
Вивьен
Ламур
Санаторий
Эмбер Локвуд
Реабилитолог из XXI в.

Вивьен Ламур
Санаторий Эмбер Локвуд

https://litres.ru/74747838
SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась. Из Эдинбурга в 1916 г. — с дипломом медсестры. Из XXI века — с душой врача, запертой в теле «помощницы».

Но я по-прежнему могу только подсказывать и молчать. Потому что я женщина. Потому что у меня нет права. Потому что даже с дипломом я — всего лишь «помощница».

Я хочу открыть санаторий. Место, где сломанных войной будут возвращать к жизни. Где я перестану быть тенью и начну лечить по-настоящему.

Но прошлое не отпускает. Тот, кто однажды видел меня в аду, теперь рядом. И его молчание стоит дороже любых слов.

Я вернулась, чтобы стать кем-то большим, чем просто «невеста» или «медсестра».

Я вернулась, чтобы лечить.

Даже если для этого придется перевернуть весь этот чопорный мир.

Содержание

Глава 1. Утро невесты 5
Глава 2. Своими руками 12
Глава 3. Точка опоры 19
Глава 4. Чужая боль 28
Глава 5. Разговор у камина 36
Глава 6. Женский совет 45
Глава 7. Свадебные хлопоты 52
Глава 8. Письма 59
Глава 9. Условия сделки 66
Глава 10. Первый шаг 75
Глава 11. Странный взгляд 80
Глава 12. Правда о прошлом 84
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Вивьен Ламур
Санаторий Эмбер Локвуд

РЕАБИЛИТОЛОГ ИЗ XXI В.

Дорогие читатели!

Перед вами продолжение истории Эмбер Локвуд, начатой в книге «Клиника Эмбер Локвуд. Терапия для избранных». Роман уже в продаже на Литрес.

Формально эту книгу можно читать и самостоятельно. Но по-настоящему понять Эмбер — её прошлое, её страх, её первый отчаянный шаг в чужом мире — можно только с первой части.

Там она очнулась в чужом теле, прошла через отчаяние и унижение, нашла в себе силы не сломаться и впервые доказала, что её знания — не проклятие, а дар.

Здесь её ждёт новый вызов. Путь от роли приходящей помощницы к чему-то гораздо большему: к месту, где обретут надежду те, кого все остальные уже списали со счетов. Но у большой мечты всегда есть цена. И её придётся заплатить.

С любовью, ваша Вивьен.

Глава 1. Утро невесты

(Лондон, весна, 1916г.)

Я поправила воротник платья и в последний раз оглядела себя в высоком зеркале у окна. Темно-синяя шерсть, строгий покрой, никаких кружев и оборок. Приличное платье, но без намека на роскошь: война диктовала свои правила даже в гардеробе будущей леди Келси.

Леди Маргарет сама выбирала ткань. «Ты теперь не компаньонка, дорогая, — сказала она тогда, разворачивая передо мной отрез. — Но и щеголять сейчас неприлично. Надо скромно, но достойно». Я провела ладонью по юбке, разглаживая несуществующие складки, и поймала в зеркале свое отражение.

Год назад на мне было рваное шелковое платье, в котором меня чуть не задушили в «Серебряных колокольчиках». Потом — униформа служанки, колючая и грубая. Потом — обноски леди Маргарет, когда я заняла место ее компаньонки. А теперь — свое. Сшитое на меня. Пусть скромное, пусть без излишеств, но мое.

Я отвернулась от зеркала и подошла к окну. Комната, в которую меня поселили после возвращения из Эдинбурга, была светлой и чистой. На том же этаже, где жили хозяева. Не на чердаке, где я когда-то дрожала от холода, закутавшись в тощий плащ, и гадала, вышвырнут меня завтра или оставят

доживать еще один день.

Казалось, целая жизнь прошла с тех пор, как я очнулась в прокуренной комнате с красными обоями и синяками на шее. А на деле — всего полтора года. Чужое тело, которое не слушалось. Чужая жизнь, в которую меня зашвырнуло, как щепку в водоворот.

Тело принадлежало Эмбер Локвуд — девушке, которую собственный дядя продал в бордель за карточные долги. А внутри была я — Ольга, реабилитолог из двадцать первого века, которая минуту назад заходила в лифт своей клиники, а очнулась здесь, в этой чудовищной реальности.

Если бы не сэр Генри... Я поморщилась. Мысль о том, что моим спасителем оказался человек, который просто хотел замять скандал, все еще царапала где-то внутри. Но факт оставался фактом: он выкупил меня, привез в этот дом и дал шанс. А теперь я — невеста его племянника. Капитана Дэвида Келси.

И комната моя не на чердаке, а здесь. Рядом с теми, кто год с лишним назад казались недосягаемыми.

За дверью послышались шаги: быстрые, четкие, с металлическим стуком каблуков. Я узнала бы эту походку из тысячи. Миссис Тернбулл. Каменная глыба в юбке, как я называла ее про себя. Она скрипела зубами так, что, казалось, в доме завелись мыши. Так и читалось в ее глазах: выскочка с темным прошлым не только вернулась из Эдинбурга, но и посмела снова занять место за семейным столом. И ладно бы

просто вернулась: она выходит замуж за сэра Дэвида.

Шаги стихли где-то в конце коридора. Тернбулл в лицо молчала, но за спиной сеяла хаос с упорством, достойным лучшего применения. Я это знала, но не вмешивалась. Война с экономкой — последнее, что мне нужно перед свадьбой.

Я вздохнула, поправила волосы и вышла в коридор.

В столовой уже накрывали завтрак. Я вошла и на секунду замерла в дверях, как делала это много раз в первые месяцы: оценивая обстановку, сканируя лица. Привычка, от которой не избавиться.

Сэр Генри сидел во главе стола с газетой в руках. Его седая голова была склонена над страницами, и он что-то хмуро бормотал себе под нос. Леди Маргарет рядом с супругом, с чашкой чая в руках. Она подняла на меня глаза, и по ее лицу разлилось тепло.

— Доброе утро, дорогая. Выспалась?

— Доброе утро, леди Маргарет. Да, спасибо.

Я села на свое место, по правую руку от Дэвида. Его стул пока пустовал. Напротив меня, через стол, Маргарет улыбалась так, будто я была не просто будущей родственницей, а чем-то гораздо более ценным. Она и правда была счастлива. Я видела это в каждом ее взгляде. Эмбер никуда не делась, теперь в семье, под боком. Ее методы всегда под рукой.

И благотворительные визиты в госпиталь теперь не в одиночку. Рядом всегда либо Мэри — я обучила ее основным приемам, и она отлично справлялась в мое отсутствие, —

либо я сама. А чаще всего мы ездили втроем, и Маргарет в такие дни была особенно хороша: глаза горели, щеки розовели, она чувствовала себя не просто светской дамой, выполняющей долг, а частью чего-то живого, настоящего.

На столе стояла овсянка, яйца, тосты. Масла было меньше, чем год назад, сахар строго по счету в маленькой фарфоровой сахарнице. Миссис Хьюз ворчала на кухне, что продукты дорожают, но пока справлялись. Сэр Генри говорил, что завод работает на оборону, поставки идут, но цены растут везде.

— Говорят, немцы усилили подводную войну, — сказал сэр Генри, откладывая газету. — Конвои из Америки теперь идут дольше.

— И дороже, — раздалось от двери.

Дэвид вошел в столовую легкой, уверенной походкой. В руке не было трости. Совсем. Он сел рядом со мной, коснулся моей руки под столом: быстро, но так, что по коже побежали мурашки.

— Доброе утро, — шепнул он одними губами.

Я улыбнулась в ответ.

Сэр Генри тем временем продолжал:

— Без американских поставок не выживем. Хейг готовит наступление на Сомме, говорят, будет масштабное. Верден пока держится, но цена...

Он не договорил. Все и так знали цену.

Я слушала вполуха. Война стала частью жизни, как туман

или дождь. К этому невозможно привыкнуть, но можно научиться жить, не замечая каждый раз.

— Я на завод до вечера, — сэр Генри поднялся, отодвинув стул. — Маргарет, будь осторожна. Если объявят тревогу, сразу в подвал.

— Я сегодня дома, — ответила та. — А завтра в госпиталь. Эмбер, ты со мной?

— Конечно, — кивнула я. — Я никогда не пропускаю.

Я и правда не пропускала. Там, среди раненых, я могла хоть что-то делать. Не просто раздавать чай и улыбаться, как положено благотворительнице, а по-настоящему помогать. Теперь у меня был диплом, и никто не мог запретить мне просто взять и сделать. Подойти к тому, кто не может повернуться, и повернуть. Сменить повязку. Подержать за руку того, кто кричит по ночам.

Сестры на меня сначала косились, но быстро привыкли: мисс Локвуд не лезет под ноги, а делает дело. Да и леди Маргарет всегда была рядом, и ее присутствие открывало любые двери.

Сэр Генри уехал на свой сталелитейный завод: война требовала металла, и работы там сейчас было невпроворот. Дэвид ушел в кабинет работать над статьей для «Таймс»: военный журналист даже в тылу не знает покоя. Маргарет отправилась в свою гостиную с книгой и чашкой чая. А я осталась одна за опустевшим столом.

Я отпила еще глоток чая — слабого, без сахара — и поз-

волила мыслям уйти в сторону.

Эдинбург.

Год в Эдинбурге. Я до сих пор иногда просыпалась в холодном поту от мысли, что меня раскроют. Что поймут: эта девушка знает больше, чем положено. Гораздо больше. Преподаватели хмурились, когда я, не подумав, поправляла их на лекциях. Потом списывали на «дар», на «природную наблюдательность».

Доктор Шоу — тот самый семейный врач Келси, который не просто заметил мои странные способности, но и предложил отправить меня на учебу, — приезжал раз в месяц, наблюдал, довольно кивал. А я каждый день играла роль прилежной ученицы, которая впервые слышит о вещах, бывших в моей прошлой жизни азбукой.

Сэр Генри вложился в меня как в проект. И проект оправдал себя. Я получила диплом. Теперь я — дипломированная медсестра. Документ, за которым стоят месяцы притворства и ночной зубрежки того, что я и так знала. Но без этой бумажки я — никто. Феномен, диковинка, угроза. А с ней — специалист. Хотя бы на бумаге.

Доктор Шоу был доволен. Сэр Генри тем более. Инвестиции окупились.

Я встала из-за стола и вышла в холл. Дом жил своей утренней жизнью: где-то хлопала дверь, слышались приглушенные голоса прислуги, из кухни тянуло запахом свежего хлеба. Я поднялась к себе, в свою новую комнату, и подошла к

окну.

Лондонское небо было серым, как всегда, но в этом серебре чувствовалось что-то новое: приближение лета, обещание тепла. Война шла где-то там, за Ла-Маншем, но здесь, в этом доме, в этой комнате, можно было на миг забыть о ней.

Я стояла у окна и смотрела на город, который стал мне почти родным.

Год назад я очнулась в аду. А теперь — стояла здесь. Медсестра. Невеста. Почти леди Келси.

Где-то в доме пробили часы. Пора было собираться: день только начинался, и дел предстояло много. Но эту минуту тишины я подарила себе.

— Ничего, — сказала я тихо, глядя на свои руки. — Все будет хорошо.

Я оттолкнулась от подоконника и направилась к шкафу, где висело старое серое платье: то самое, в котором я когда-то мыла полы на чердаке и таскала дрова из сарая. Новое платье для флигеля было жалко. А в этом можно и рукава закатать.

Глава 2. Своими руками

Хороша будущая леди Келси: с тряпкой в руках и ведром воды.

Я стояла перед раскрытым шкафом, держа в одной руке новое темно-синее платье, а другой нащупывая старое серое. Оно было выстирано, заштопано и пахло лавандой. Мэри постаралась, добрая душа.

Новое платье я аккуратно повесила обратно. Для грязи и пыли оно не годилось, не для того леди Маргарет ткань выбирала. А в этом старом, проверенном, можно и рукава закатать, и коленями по полу поездить, если понадобится.

Я усмехнулась своему отражению в зеркале. Загляни сейчас кто-нибудь из знакомых в дом Келси: та же миссис Хартли из благотворительного комитета, которой я помогла справиться с панической атакой, когда она получила известие о пропавшем сыне... Интересно, вспомнила бы она ту девушку, что стояла у стены в гостиной леди Брэдли, — ту, что не дала ей задохнуться от горя? А полковник Честертон, которого я в прямом смысле вытряхнула с того света прямо за рождественским ужином? Он, говорят, до сих пор рассказывает всем историю своего спасения. Представляю их лица, застань они меня сейчас: будущую миссис Келси, натирающую полы во флигеле.

Но кто ж знал, что моя жизнь в двадцать первом веке, где

не было слуг, а за собой убирать приходилось самой, так пригодится здесь. Для леди это зазорно. Для меня — привычно.

Я натянула серое платье, подоткнула волосы под косынку и выскользнула в коридор.

Где-то внизу звякнула посуда: Мэри убирала со стола. Из кухни тянуло чем-то пряным: миссис Хьюз явно готовила что-то к обеду. Я быстро прошла по коридору, стараясь ступать бесшумно, свернула к черной лестнице и через минуту уже выходила через боковую дверь в сад.

Флигель стоял в глубине, за старыми яблонями. Когда-то здесь жил садовник, потом стоял заброшенным. Сейчас окна были раскрыты, оттуда доносился запах извести и сырого дерева, а на крыльце валялись окурки: рабочие не особенно старались скрывать свое присутствие.

Я толкнула дверь и вошла.

Внутри было... ну, скажем так, далеко до идеала. В маленькой гостиной, где должны были стоять кресла и диван, пока зияла пустота. Стены свежевыкрашенные, но пол в щепках, обрывках обоев и строительном мусоре. Рабочие закончили на сегодня, оставив после себя гору того, что, видимо, считалось «необязательным к уборке».

Я вздохнула, нашла в углу веник и совок, закатала рукава.

Полы здесь были деревянные, старые, но крепкие. После того как рабочие переложили прогнившие доски в спальне, в гостиной оставалось только вымести весь этот ужас. Веник шуршал по доскам, поднимая пыль, щепки летели в совок, и

постепенно пол проступал из-под мусора чистый, почти уютный.

Руки помнили эту работу. Сколько раз в своей прошлой жизни я вот так же наводила порядок в своей квартире после долгого рабочего дня. Только там это было уютом, а здесь — борьбой за свой угол. За наш с Дэвидом угол.

Я вымела мусор, протерла подоконники. Потом перешла в комнату, где должен был быть кабинет Дэвида.

Здесь было два больших окна, выходящих в сад. Стекла покрылись слоем пыли и грязи. Я нашла ведро, налила воды из стоявшей в углу бочки, добавила уксуса: старый бабушкин способ, который здесь тоже работал.

Залезть на подоконник, чтобы достать до верхней части, пришлось самой. Тряпка скользила по стеклу, оставляя влажные полосы, и с каждым движением комната наполнялась светом. Солнце наконец пробилось сквозь чистые стекла, и я зажмурилась на секунду: так хорошо стало.

— Эмбер, ради бога...

Я обернулась.

Дэвид стоял в дверях, опираясь на косяк, и смотрел на меня с таким выражением, будто я собиралась не окна мыть, а по меньшей мере на Луну улететь. Свет падал ему на плечи, выхватывая из полумрака резкие черты лица и эту его вечную легкую хмурость, которая в последнее время появлялась все реже.

— Ты опять? — спросил он. — Это... это не пристало ле-

ди. Тем более моей невесте.

Я усмехнулась, не прекращая тереть стекло.

— Дэвид, дорогой, если бы ты знал, сколько раз я мыла окна, ты бы удивился. Для меня это не зазорно. А ждать, пока Тернбулл соблаговолит прислать кого-то, я не намерена. Свадьба через неделю.

— И поэтому ты решила свернуть шею, упав с подоконника?

— Я аккуратно.

— Ты на высоте второго этажа.

— Дэвид.

— Эмбер.

Мы смотрели друг на друга. Он — с притворной строгостью, я — с вызовом. Потом он вздохнул, покачал головой и шагнул вперед.

— Слезай.

— Я не закончила.

— Слезай, я сказал.

И прежде чем я успела возразить, его руки легли мне на талию, потом под колени, и через секунду я уже сидела у него на руках, прижимая к груди мокрую тряпку.

— Дэвид! — взвизгнула я. — Поставь меня немедленно!

Но он не слушал. Просто держал меня, глядя снизу вверх, и в его глазах плясали чертики. Те самые, что появлялись у него только со мной, когда он позволял себе быть не журналистом, не капитаном, не раненым солдатом, а просто муж-

чиной.

— Ты даже не представляешь, как странно, — сказал он тихо, — видеть свою невесту на подоконнике с тряпкой в руках.

— А ты даже не представляешь, как странно, — парировала я, упираясь руками в его плечи, — висеть в воздухе, пока жених решает, что обо всем этом думать.

Он усмехнулся. Я чувствовала эту усмешку всем телом, каждой клеточкой.

На секунду я замерла. Его руки держали меня крепко и нежно одновременно. Лицо было так близко, что я видела каждую ресницу, каждую искорку в зеленых глазах. И мне отчаянно, до дрожи в коленях, захотелось остаться так навсегда. Прижаться щекой к его плечу, закрыть глаза и забыть обо всем: о войне, о Тернбулл, о несделанной работе, о том, что я вообще-то должна быть леди.

Я поймала себя на этой мысли и тут же одернула. Не время. Не место. И я вся в пыли и мыльной воде.

— Дэвид, — сказала я уже серьезнее. — Твоя нога... ну отпусти же!

Он неохотно, медленно, будто давая мне время передумать, опустил меня на пол. Но рук не убрал. Обхватил мое лицо ладонями, большими пальцами провел по скулам, стирая пыль. Я смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

Он наклонился и поцеловал меня. Совсем легко, почти невесомо, губами коснулся губ и замер на секунду.

— Дэвид, — выдохнула я, когда он отстранился, и вдруг рассмеялась. — Я вся пыльная!

— Мне все равно, — ответил он серьезно. — Ты прекрасна. Даже с тряпкой.

Я фыркнула и вырвалась из его рук, чувствуя, как щеки заливает краской. Вот ведь... умеет же сказать.

— Давай помогу, — сказал он, оглядывая комнату. — Раз уж моя будущая жена решила отнять хлеб у прислуги.

— Ты уверен? — спросила я с сомнением. — Твоя нога...

— Моя нога в порядке, — отрезал он. — Куда ставить этот шкаф?

Я показала. Он сдвинул тяжелый дубовый шкаф с места, как будто тот весил не больше пуховой подушки. Потом передвинул стол, приподнял и переставил кресло, которое я собиралась тащить волоком.

Я смотрела на него и улыбалась. Хорошо. Как же хорошо, что он есть.

Но потом я замерла.

Он шел к окну, чтобы закрыть створку, и я вдруг увидела то, от чего сердце заныло. Шаг был ровным, уверенным, но на левую ногу он наступал чуть осторожнее, чем надо. Чуть-чуть, на долю секунды дольше переносил вес. Я бы не заметила, если бы не знала его тело так, как не знает, наверное, никто.

— Дэвид, — окликнула я. — Ты опять перенапряг ногу. Сядь.

Он обернулся, хотел возразить, но я уже пододвигала к нему стул.

— Сядь, — повторила я. — Не спорь.

Он сел. Провел ладонью по колену, поморщился.

— Пустяки, — сказал он. — На погоду.

Я присела рядом на корточки, взяла его ногу в руки, осторожно прощупала. Под тканью брюк чувствовался жар.

— Не «пустяки», — ответила я серьезно. — Отек. Давай посмотрю.

Он колебался. Я видела это в его глазах: ту самую секундную борьбу между «я сам» и «я тебе верю».

— Дэвид, — сказала я тихо. — Я твой врач. Я это делала сотни раз. Просто доверься.

Пауза. Он смотрел на меня долго, изучающе. Потом медленно закатал штанину. Я покачала головой.

— Мало, — сказала я. — Нужно выше. Колено — это полбеды. Боль отдает в бедро, в поясницу. Я должна видеть всю линию.

Дэвид понял. Секунда, и он встал. Отвернулся к стене, расстегнул брюки, спустил их до колен. Сел обратно, глядя в сторону.

— Я доверяю тебе, — сказал он тихо.

Глава 3. Точка опоры

Я положила ладони на его бедро и на секунду замерла, прислушиваясь к тому, что чувствуют пальцы. Кожа была горячей: воспаление давало о себе знать, разгоняло кровь, заставляло ткани отекать.

Дэвид сидел неподвижно, глядя в стену, и я видела, как напряжены его плечи. Не от боли, от того, что пришлось сдаться. Позволить себе быть слабым. Опять.

Глупость какая. Слабость — это когда не можешь попросить о помощи. А когда просишь — это сила. Но попробуй объясни это мужчине, который год назад клялся, что сам справится со всем на свете.

Я выдохнула и начала работать.

Пальцы сами нашли дорогу. Вот напряженный тяж, идущий от колена вверх, словно канат, который натянули до предела. Вот узел в квадрицепсе, твердый, как камешек. Вот спазм в приводящей мышце, из-за которого нога чуть поворачивается внутрь, когда он устает. Тело Дэвида говорило со мной на языке, который я выучила за годы практики. Надо только слушать.

Сначала легкие поглаживания: от колена вверх, чтобы разогнать лимфу, чтобы ткани проснулись, поняли, что сейчас будет работа. Потом глубже. Большими пальцами я начала разминать квадрицепс, нащупывая самые жесткие участ-

ки, надавливая, продавливая, заставляя мышцы отпускать.

Дэвид вздрогнул, когда я нашла особенно болезненную точку.

— Терпи, — сказала я негромко. — Это надо продавить.

Он не ответил, только сильнее сжал челюсти. Я чувствовала, как он борется с собой: с желанием отстраниться, уйти, сделать по-своему. Но он сидел. Доверял.

Я работала молча, сосредоточенно, позволяя пальцам делать то, что они умели лучше всего. Дэвид сначала был напряжен. Я чувствовала это каждой клеточкой его тела, каждой мышцей под своими руками. Потом, помимо воли, он начал расслабляться. Дыхание стало глубже, плечи опустились, голова чуть склонилась вперед.

Я смотрела на его ногу и думала о том, какой путь он прошел за этот год. От трости, от злости, от отчаяния — до этого момента. До того, чтобы просто сидеть и доверять. До того, чтобы позволить себе быть слабым в чужих руках.

Сколько таких, как он, остались без этой помощи? Сколько солдат сейчас лежат в госпиталях с зажатыми мышцами, с неправильно сросшимися костями, с болью, которую можно было бы снять простым массажем и правильным движением? Сколько из них уже списали в «безнадежные» только потому, что никто не знал, как к ним подступиться?

А я знаю. Я столько всего знаю, что могла бы...

Но я — медсестра. Только медсестра. Могу шептать на ухо Маргарет, могу тихо подсказывать сестрам в госпитале,

но не могу встать и сказать: «Я знаю, как это лечить. Дайте мне сделать». Потому что я женщина. Потому что у меня нет права. Потому что даже с дипломом я — всего лишь «помощница».

Горечь подкатила к горлу, но я проглотила ее. Не время. Сейчас — только он.

Я перешла к приводящим мышцам: внутренней поверхности бедра. Здесь было особенно много зажимов: когда человек хромает, он инстинктивно пытается стабилизировать ногу, сжимая все, что можно. Я надавила, и Дэвид дернулся.

— Прости, — сказала я. — Здесь больно, но без этого никак.

— Я знаю, — выдохнул он.

Я продолжала работать. Разминала, давила, тянула. Потом взяла его ногу за щиколотку и осторожно согнула в колене, помогая рукой.

— Так чувствуешь?

— Нормально.

— А так?

Я разогнула, чуть повернула. Он кивнул.

— Уже лучше.

И вдруг я почувствовала, как он выдохнул. По-настоящему, глубоко, всем телом. Мышцы под моими пальцами начали сдаваться, отпускать зажимы, таять.

— Черт... — сказал он тихо. — Как хорошо...

Я усмехнулась, не прекращая движений.

— Я же говорила.

Он откинул голову назад, закрыл глаза. Солнце из окна падало ему на лицо, высвечивая резкие скулы, темные ресницы, легкую щетину на подбородке. Он был красивым. Таким красивым, что у меня каждый раз перехватывало дыхание, когда я смотрела на него слишком долго.

Я видела, как уходит боль. Не до конца, но достаточно, чтобы дышать стало легче. Отеки еще не спадали, вечером придется делать компресс, но сейчас главное было сделано: я сняла самое острое, самое невыносимое. То, из-за чего он скрипел зубами по ночам.

И в этот момент я поймала себя на мысли, что готова сидеть здесь вечно. Просто держать его в своих руках. Просто знать, что ему хорошо.

Дверь распахнулась без стука.

Я даже не успела испугаться. Просто замерла, чувствуя, как внутри все холодеет. Не от страха. От злости. От того, что этот момент, такой важный, такой тихий, такой наш, сейчас растопчут грязными башмаками.

На пороге стояла миссис Тернбулл.

Картина, которая ей открылась, была хуже не придумаешь. Полупустая комната, пыль на полу, я на корточках перед Дэвидом, его брюки спущены до колен, мои руки на его голом бедре. Она смотрела на нас так, будто увидела самую страшную непристойность в своей жизни.

И в ее глазах было не только омерзение. Было торжество.

Чистое, незамутненное, злое торжество человека, который наконец-то поймал врага с поличным.

— Господи... — выдохнула она. — Боже мой... Что здесь происходит?!

Я не отдернула руки. Медленно, с достоинством, я закончила движение, которое делала — дожала мышцу, давая ей окончательно отпустить, — и только потом поднялась. Выпрямилась. Отряхнула юбку. Посмотрела Тернбулл прямо в глаза.

— Миссис Тернбулл, — сказала я спокойно, с ледяной вежливостью, на которую только была способна. — Чем обязаны?

— Чем обязаны?! — она аж задохнулась. — Я.. я сейчас же доложу сэру Генри! Это... это разврат! В его доме! Под его крышей! Вы еще не женаты, а уже...

— Миссис Тернбулл.

Голос Дэвида прозвучал как удар хлыста. Я даже вздрогнула, так он был холоден.

Он не вскочил: не мог, брюки все еще были спущены. Но он медленно поднялся, натягивая их, застегивая, не сводя с Тернбулл глаз. И в этом движении было столько уверенности, столько спокойной силы, что я вдруг перестала бояться. Совсем.

— Вы забываетесь, — сказал он.

Пауза. Тернбулл сделала шаг назад. Сама не заметила, как.

— Во-первых, — Дэвид говорил ровно, чеканя каждое

слово, — вы вошли без стука. В помещение, которое больше вам не подчиняется. Это флигель — наше будущее жилье. И даже сейчас вы здесь гостья, а не хозяйка.

— Я.. но...

— Во-вторых, то, что вы здесь видите — это лечение. Медицинская помощь, которую мне оказывает моя невеста. Дипломированная медсестра, между прочим.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Если вы сомневаетесь в ее методах, можете обсудить это с доктором Шоу. Или с леди Маргарет. Или с сэром Генри. Я уверен, они с радостью просветят вас насчет того, кому вы обязаны тем, что я вообще стою на этой ноге без трости.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло. Он не просто защищал меня. Он говорил правду. И эта правда была сильнее любого скандала.

Тернбулл открыла рот, но Дэвид не дал ей и слова вставить.

— И в-третьих, — голос его стал еще холоднее. — Если вы когда-нибудь еще раз войдете в комнату без стука и увидите то, что видеть не должны, пеняйте на себя. Я позабочусь, чтобы сэр Генри нашел вам замену. Такую, которая умеет стучаться. Вам ясно?

Тишина.

Густая, тяжелая, звенящая. Тернбулл стояла, побелевшая, сжав губы в нитку. В ее глазах была бессильная ярость пополам со страхом. Она понимала: Дэвид не шутит. Он дей-

ствительно может это сделать. И сэр Генри его поддержит, потому что племянник дороже экономки, даже если та служит тридцать лет.

— Я.. — голос ее сорвался. — Я поняла, сэр.

— Тогда выйдите. И закройте дверь.

Она вышла. Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я чувствовала, как колотится сердце, где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Он все еще был напряжен, сжав челюсти, но в глазах уже появлялось что-то другое. Не гнев. Усталость и.. облегчение?

— Ну... — сказала я тихо, с улыбкой. — Ты умеешь быть убедительным.

Он выдохнул, провел рукой по лицу.

— Надеюсь, это того стоило.

Посмотрел на свою ногу, пошевелил стопой.

— Нога действительно прошла?

Я усмехнулась.

— Даже лучше, чем была. Но дома холодный компресс на колено на двадцать минут. И никаких тяжестей до завтра. Я серьезно, Дэвид.

Он кивнул, но смотрел не на ногу. На меня.

Он смотрел так, что у меня перехватило дыхание. Потом вдруг взял мою руку — ту самую, которой я только что его лечила, — поднес к губам и поцеловал пальцы. Один за дру-

гим. Медленно. Не отрывая взгляда.

— Спасибо, — сказал он очень тихо. — Не за ногу. За то, что ты есть.

У меня защипало в глазах. Я моргнула, прогоняя слезы.

— Дэвид, — шепнула я.

Он обнял меня. Просто притянул к себе и обнял, уткнувшись носом в мои волосы. Я чувствовала, как бьется его сердце — ровно, спокойно, сильно. И в этот момент весь мир перестал существовать. Война, Тернбулл, грядущая свадьба, все проблемы — все исчезло. Остались только его руки и этот стук.

Сколько мы так простояли, не знаю. Минуту, две, пять.

— Нам пора, — сказала я, отстраняясь, но не выпуская его рук. — Скоро обед. И если мы не появимся, Тернбулл пошлет за нами полицию.

Он усмехнулся.

— Пусть попробует.

Но послушался. Я накинула жакет, он поправил воротник. На пороге я обернулась.

— Знаешь... — сказала я. — Она все равно будет пакостить. Тернбулл.

— Знаю, — он взял меня под руку. — Но мы справимся.

Я посмотрела на него. В который раз за этот день поймала себя на мысли: как же мне повезло. Не просто с человеком, который любит. А с тем, кто умеет защищать. Кто не боится говорить «нет». Кто готов поставить на место кого угодно

ради того, чтобы я могла просто делать свое дело.

— Я люблю тебя, — сказала я тихо. — Знаешь?

Он улыбнулся. Той самой редкой улыбкой, от которой у меня подкашиваются колени.

— Знаю. Я тоже.

Мы вышли из флигеля и пошли через сад к дому. Солнце поднималось выше, пробиваясь сквозь тучи, тени становились длиннее. Я взяла его под руку и прижалась к плечу.

Впереди был обед с семьей. Разговоры о войне и политике. Вечернее чаепитие с Маргарет. Завтрашний визит в госпиталь. Но сейчас, в эту минуту, был только этот сад, этот свет и его рука под моей ладонью.

И тихое, уверенное чувство: все будет хорошо.

Будет ли?..

Глава 4. Чужая боль

Утро встретило меня серым небом и запахом свежего хлеба из кухни. Я застегнула последнюю пуговицу на платье — попроще, для госпиталя, — и в последний раз оглядела себя в зеркало. Скромно, чисто, никаких претензий. Для визита к раненым самое то.

В доме было тихо. Сэр Генри уехал на завод еще затемно. Дэвид ушел тоже рано: мелькнул в дверях с портфелем, чмокнул меня в висок, шепнул: «Увидимся вечером, если редакция не съест», и растворился в утреннем тумане. Военный корреспондент не знает покоя: сводки, цензура, вечные правки, которые надо успеть сдать. Я привыкла. Он — тем более.

Мэри оставалась дома. Дел невпроворот: флигель требовал присмотра, да и Тернбулл без присмотра — та же бомба замедленного действия. Мэри научилась с ней управляться, но оставлять экономку одну надолго было рискованно: работа во флигеле опять застопорится. Так что сегодня в госпиталь собрались вдвоем с Маргарет.

Она ждала меня в холле: в элегантном темно-сером костюме, с неизменной маленькой шляпкой и перчатками. Улыбнулась, когда я спустилась.

— Готова, дорогая?

— Всегда готова.

У подъезда нас ждала карета. Та самая, в которой я когда-то тряслась по ночному Лондону, прижимая к груди жалкий плащ и пытаясь понять, куда меня везут и останусь ли я жива к утру. Сейчас все иначе. Но карета — та же.

Маргарет по-прежнему предпочитала ее автомобилю. У сэра Генри была машина, для деловых поездок, но леди Келси старой закалки не доверяла этим «тарахтящим экипажам». Да и бензин теперь нормирован, достать его сложно: война все подчинила себе. А лошадей, хоть их и отправляли тысячами на фронт, для таких, как леди Маргарет, еще держали. К тому же в карете тихо, плавно, и можно говорить, не перекрикивая мотор. Для благотворительного визита — идеально.

Я устроилась на сиденье, поправила юбку и выглянула в окно.

Лондон изменился. Я смотрела на знакомые улицы и не узнавала их. Фонари стояли темные, с закрашенными стеклами. На окнах домов — плотные шторы, черные, глухие. Днем это выглядело просто мрачно. Ночью город погружался в абсолютную тьму.

— Цеппелины, — сказала Маргарет, перехватив мой взгляд. — После каждого налета прибавляется правил. Свет тушат, поезда ползут как черепахи, заводы простаивают. Генри рвет и мечет: продукция падает.

Я кивнула. В Эдинбурге заводы тоже работали на войну, но там это чувствовалось иначе. Там тоже знали о войне,

тоже боялись налетов: цеппелины долетали и до севера. Но северный город дышал спокойнее. Может, потому что дальше, может, потому что скалы защищают. А Лондон затаился. Сжался в пружину и ждал.

Карета остановилась у знакомого здания. То же самое, что и в прошлые визиты: красный кирпич, флаг Красного Креста над входом, санитарная машина у крыльца, грузчики с носилками. И запах. Тяжелый, густой, въедливый: карболка, пот, и под всем этим сладковато-гнилостный шлейф, от которого у неподготовленного человека перехватывает дыхание. В моей прошлой жизни такого не было. Там пахло иначе: современными антисептиками, чистотой, стерильностью. А здесь война врывалась в легкие с каждым вдохом. Я уже привыкла. За год в Эдинбурге научилась не замечать.

В холле нас встретила сестра Мэтьюз. Та же суровая женщина с лицом, вырезанным из гранита, и глазами, видевшими столько боли, что ничем уже не проймешь. Но сейчас она смотрела на меня иначе, чем год назад. С уважением.

— Мисс Локвуд, леди Келси. Рада видеть, — кивнула коротко, по-деловому. — Сегодня у нас пополнение: ночью привезли партию из Дувра.

Я кивнула. Пополнение значило новые лица, новые раны, новые истории. И новые «безнадежные», на которых у сестер нет времени.

Мы пошли по палатам. Маргарет раздавала обычные подарки: чай, табак, письменные принадлежности. Солдаты

улыбались ей, благодарили, кто-то пытался шутить. Она держалась прекрасно: спокойно, с достоинством, но без той холодной отстраненности, что бывает у иных благотворительниц. Она правда хотела помочь. И гордилась ею.

А я смотрела. Вбирала в себя каждую палату, каждого пациента, каждую повязку. Глаза сами находили то, что нужно поправить, изменить, к чему прикоснуться. Сестры, уже знавшие, что у меня диплом, что я такая же, как они, не препятствовали. Кивали, принимали, иногда даже спрашивали совета.

В третьей палате я замедлила шаг. Что-то кольнуло: не боль, а профессиональное чутье. Я огляделась, пытаясь понять, что именно меня насторожило.

И увидела его.

В дальнем углу, лицом к стене, на узкой койке лежал мальчишка. Худой, почти прозрачный. Лежал неподвижно, не реагируя на звуки, не поворачивая головы, когда мимо проходили люди.

Новый. Точно новый. За те несколько раз, что я была здесь после возвращения, я успела запомнить многих. Этого не было.

— Леди Маргарет, — сказала я тихо. — Подожди меня минуту.

Я подошла к койке. Одеяло сбилось, рубаха задралась, и на пояснице я увидела то, от чего внутри все похолодело.

Пролежни. Уже начальные, красные пятна, которые зав-

тра станут хуже. А послезавтра превратятся в открытые раны, если ничего не сделать.

Я села на край койки. Санитарка, протиравшая пол в углу, дернулась было возразить, но я даже не посмотрела в ее сторону.

— Привет, — сказала я тихо. — Меня зовут Эмбер. Я медсестра.

Он не ответил. Даже не шелохнулся.

Я осторожно коснулась его плеча. Он вздрогнул всем телом так, будто я ударила его, а не просто положила руку. Но не повернулся.

Я смотрела на него и считала. Про себя, профессионально, как учили в той, другой жизни.

Ноги целы, просто не работают. Значит, спина. Позвоночник. Сколько он уже так лежит? Месяц? Два?

Обезвожен. Питание — ноль. Мышцы атрофируются на глазах. Если ничего не сделать, через полгода он умрет. Не от ран: от того, что никто не потрудился его поднять.

Я вспомнила Эдинбург. Там, в учебном госпитале, был похожий случай. Солдат с ранением позвоночника. Мы, студентки, только наблюдали. А старшая сестра сказала: «Таких не выхаживают, мисс Локвуд. Слишком много сил, слишком мало надежды». Он умер через месяц. Я тогда впервые пожалела, что я всего лишь студентка, а не тот, кто может приказывать.

А в моем мире его бы поставили на ноги. Нет, не ходить,

но сидеть. Жить. Дышать. Смотреть на солнце. А здесь — стена и запах гниющей плоти.

Я встала, нашла глазами сестру Мэтьюз и подошла к ней.

— Сестра, — сказала я тихо, но твердо. — Тот мальчик в углу. За ним нужен другой уход. Его надо переворачивать, обрабатывать пролежни, менять белье. И кормить. Даже если он отказывается.

Она посмотрела на меня устало, но без раздражения.

— Браун? Томас Браун? — она заглянула в бумаги на тумбе. — Безнадежный, мисс Локвуд. У нас таких десятки, на всех рук не хватит. Ночная партия из Дувра. Эвакуация очередного полевого госпиталя. Его везли сюда, потому что везти дальше было некуда и незачем.

— Я знаю, — я сжала руки, чтобы не дрожали. — Но если не начать сейчас, через месяц он умрет. А мог бы жить.

Она пожала плечами.

— Я передам сестрам. Но не обещаю.

Я кивнула и отошла. Что еще я могла сделать?

Безнадежный. Слово, которым здесь прикрывают собственную беспомощность. Нет безнадежных. Есть те, кому не хватило времени, рук и знаний.

А я — медсестра. Только медсестра. Могу подсказать, могу показать, но не могу приказать. Не могу взять и сделать так, чтобы за ним ухаживали как надо.

Злость подкатила к горлу. На систему. На войну. На этот мир, где женщины только «помогают», а мужчины умирают

от того, что помощь приходит слишком поздно.

Домой мы ехали молча. Маргарет смотрела на меня, но не спрашивала. Только когда карета остановилась у ворот, сказала:

— Тяжелый день?

— Там мальчик, — ответила я. — Совсем молодой. Парализован. Лежит лицом к стене и ждет смерти. А мог бы жить.

Она помолчала.

— Таких много, дорогая.

— Я знаю, — я сжала руки на коленях. — Знаю.

Домой мы вернулись, когда солнце уже клонилось к закату. Дэвид еще не пришел: редакция задержала, с военными корреспондентами это бывает. Я поднялась к себе, переоделась, умылась с дороги, но мысли все равно возвращались туда, в прокуренную палату, к мальчишке, лежащему лицом к стене.

К ужину я спустилась в столовую. Маргарет уже сидела на своем месте, сэр Генри во главе стола с неизменной газетой. Место Дэвида пустовало.

— Задерживается, — сказал сэр Генри, не поднимая глаз. — В редакции аврал, готовят очередной выпуск к завтрашнему утру.

Я кивнула и села. Миссис Хьюз сегодня расстаралась: на столе была запеченная рыба с овощами, даже соус подали отдельно. Но кусок в горло не лез. Я ковырялась в тарелке, слушая вполуха разговоры о политике, о новых налетах...

В холле послышались шаги, потом приглушенные голоса. Через минуту в столовую вошла Мэри.

— Леди Маргарет, сэр Генри, — сказала она, приседая в книксене. — К вам посетитель.

Глава 5. Разговор у камина

Я узнала этот голос сразу.

Низкий, бархатистый, с легкой хрипотцой. Доктор Шоу. Я замерла на секунду, прислушиваясь к тому, как он здоровается с Мэри в холле, и внутри что-то тепло дрогнуло. Хорошо. Очень хорошо, что он приехал именно сегодня.

Весь день, с самого возвращения из госпиталя, мысль о том мальчишке — о Томми — не отпускала. Сидела занозой под ребрами, ныла, не давала покоя. Я перебирала в голове варианты, прикидывала, к кому можно обратиться, кто способен не просто кивнуть и сказать «таких много», а действительно что-то сделать. И вот он сам приехал.

Я поднялась из-за стола, извинилась перед Маргарет и сэром Генри и вышла в холл.

Доктор Шоу стоял у вешалки, передавая Мэри свое пальто и шляпу. Увидел меня, и лицо его осветилось той самой теплой, чуть насмешливой улыбкой, которую я помнила еще по Эдинбургу.

— Мисс Локвуд! — он шагнул навстречу, протягивая руку. — А точнее, уже почти леди Келси. Рад видеть вас в добром здравии.

— Доктор Шоу, — я пожала его руку, чувствуя, как отступает тяжесть последних часов. — Как вовремя вы приехали.

Он поднял бровь, но ничего не сказал. Вместо этого про-

шел в гостиную, где его уже ждали сэр Генри и Маргарет.

— Ну, с драгоценным здоровьем нашей семьи, надеюсь, все в порядке? — спросил он, усаживаясь в кресло. — Леди Маргарет, как ваши мигрени? Сэр Генри, завод не доконал вас окончательно?

Маргарет улыбнулась той самой спокойной, уверенной улыбкой, которая появилась у нее за последний год.

— У нас все хорошо, доктор. Не о чем беспокоиться, — сказала она.

Она перевела взгляд на меня, и доктор Шоу этот взгляд перехватил. Я видела, как его глаза чуть прищурились, сканируя мое лицо. Он понял: вот кому есть о чем беспокоиться.

Ужин прошел в обычных разговорах. Дэвид вернулся из редакции как раз к супу. Усталый, но довольный: статью наконец приняли, завтра можно выдохнуть. Он уселся рядом со мной, коротко сжал мою руку под столом, и я в который раз поймала себя на мысли, как хорошо, когда он рядом.

Говорили о войне, конечно. Куда без нее. Доктор Шоу упомянул, что ходят слухи о большом наступлении на Сомме, может быть, уже в июле. Покачал головой:

— Если так пойдет дальше, госпитали просто не выдержат наплыва раненых. Уже сейчас мест не хватает. Скоро придется открывать лазареты в частных домах.

Я слушала и молчала. Мои мысли были там, в палате, у стены.

После ужина, когда подали чай, доктор Шоу повернулся

к сэру Генри:

— Сэр Генри, если позволите, я бы хотел побеседовать с мисс Локвуд наедине. Есть несколько вопросов... профессионального свойства.

Сэр Генри коротко кивнул. В его глазах мелькнуло что-то: не интерес даже, а скорее деловой расчет. Новые идеи для «актива». Новые вложения, которые могут принести доход или полезные связи. Я знала этот взгляд.

— Конечно, доктор. Мы все заинтересованы в развитии мисс Локвуд, — сказал он ровно.

Я повернулась к Дэвиду:

— Дэвид, останься, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты слышал это.

Он удивленно поднял бровь, но кивнул. Мы перешли в библиотеку.

Там было тихо и уютно. Огонь в камине мягко потрескивал, отбрасывая теплые блики на стены, на корешки книг, на тяжелые портьеры. Я опустилась в кресло, доктор Шоу — напротив. Дэвид не стал садиться: пристроился на краю письменного стола, скрестив руки на груди, готовый слушать и, если понадобится, вмешаться.

— Ну-с, мисс Локвуд, — доктор Шоу подался вперед, положив локти на подлокотники. — Я вижу, вас что-то гнетет. Рассказывайте.

Я глубоко вздохнула. С чего начать? С того мальчишки? С пролежней? С запаха гниющей плоти, который не вывет-

ривается из памяти?

— Я сегодня была в госпитале, — начала я. — С леди Маргарет. Мы ездим туда регулярно, вы знаете.

Он кивнул.

— Там есть один... мальчик. Томас Браун. Лет девятнадцати. Позвоночник. Лежит лицом к стене, не ест, не пьет, не разговаривает. Уже пролежни пошли. Сестра говорит — безнадежный.

Доктор Шоу вздохнул.

— Таких много, мисс Локвуд. Вы и сами знаете.

— Знаю, — ответила я в который раз за этот день.

Я подалась вперед, глядя ему прямо в глаза.

— Доктор, посмотрите на Дэвида, — я кивнула в сторону будущего мужа. — Год назад на нем тоже поставили крест. Трость, боль, «солдатское сердце», как вы это называете. А теперь он ходит без трости. Пишет статьи. Живет полноценной жизнью. Это не чудо. Это просто правильный подход.

Доктор Шоу перевел взгляд на Дэвида, потом снова на меня.

— Вы хотите сказать, что таких, как Дэвид, можно... возвращать? Даже тех, кого считают безнадежными?

— Я хочу сказать, — ответила я твердо, повторяя свои же мысли, только вслух: — что безнадежных не бывает. Бывают те, для кого не хватило времени, рук и знаний.

Я замолчала, собираясь с мыслями. В голове крутились картинки из прошлой жизни. Современные реабилитацион-

ные центры, где я работала. Стекло, свет, сложнейшие тренажеры, бассейны, команда специалистов. Здесь этого нет. Здесь даже чистые бинты — роскошь.

Но ведь люди выздоравливали и сейчас. Водой, теплом, движением, заботой. И главное — отношением.

— Я не обещаю, что каждый встанет и пойдет, — сказала я. — Но многие могут обрести смысл. Те, кто не сможет ходить, могут работать руками. Те, у кого нет рук, могут учиться жить заново. А тех, кого можно поставить на ноги полностью... их тоже много.

— И что вы предлагаете? — спросил доктор Шоу. В его голосе не было скепсиса. Только профессиональное любопытство.

— Санаторий, — выдохнула я. — Не богадельня, не место, где доживают. Настоящий санаторий для реабилитации. Где с солдатами будут работать. Водные процедуры, массаж, лечебная гимнастика, трудотерапия. Чтобы они не просто лежали и ждали смерти, а возвращались к жизни.

Доктор Шоу слушал, не перебивая. Я видела, как в его глазах загорается огонек: тот самый, который я замечала в Эдинбурге, когда мы говорили о чем-то по-настоящему важном.

— Можно начать с малого, — продолжала я. — Десять-пятнадцать коек. Отобрать самых тяжелых, самых «безнадежных». Показать результат. А потом расширяться.

Я перевела дух и добавила самое важное:

— И еще. Кресла для тех, кто не может ходить. Их делают, но часто неудобными, тяжелыми, громоздкими. А если продумать конструкцию? Легкие, маневренные, чтобы человек сам мог двигаться? На заводе сэра Генри есть металл, есть мастера. Можно наладить производство. Не для богатых, а для таких, как Томми.

Я посмотрела на Дэвида. Он слушал внимательно, чуть склонив голову, и я видела, как в его мозгу уже крутятся шестеренки, просчитывая варианты.

— Протезы, костыли, ходунки — все это можно сделать лучше, чем то, что есть сейчас, — добавила я. — Я могу объяснить, какими они должны быть. А сэр Генри, если увидит выгоду, согласится. Он прагматик.

Доктор Шоу хмыкнул.

— Сэр Генри — да, прагматик. Это вы точно подметили.

Дэвид вдруг подал голос:

— Доктор, я как журналист скажу: такие истории продаются. Вернее, не продаются, а привлекают внимание: Дэвид Келси, капитан, комиссован, ходил с тростью, а теперь без. Если об этом написать, если показать, что это не чудо, а результат работы... Люди заинтересуются. Найдутся те, кто захочет помочь. И деньгами, и связями.

Он помолчал, потом добавил:

— Война кончится, доктор. Рано или поздно. И тогда встанет вопрос: что делать с тысячами калек? Мы можем быть первыми, кто предложит решение. Не богадельню, как

сказала Эмбер, а дело.

Доктор Шоу медленно кивнул. Встал, прошелся по комнате, остановился у камина.

— Все, что вы говорите, мисс Локвуд, — начал он, — это... это не просто благотворительность. Это новая философия. Возможно, безумная. Возможно, гениальная. Я должен подумать.

Он обернулся, посмотрел на меня поверх очков.

— Но ваших слов недостаточно. Мне нужны цифры, расчеты, план. Сколько коек, сколько персонала, сколько это будет стоить. Какие методы вы предлагаете и почему они должны работать. Где брать воду, если речь о гидротерапии? Какое помещение нужно? Сколько будут стоить эти кресла, если наладить производство?

Он сделал паузу.

— Если вы сможете это написать, мисс Локвуд, я обещаю, что изучу самым тщательным образом. И, если сочту возможным, помогу вам донести эту идею до тех, кто может ее реализовать.

Дэвид усмехнулся:

— Эмбер, кажется, тебе задали домашнее задание.

Я улыбнулась в ответ.

— Я справлюсь, — сказала я твердо. — Обязательно справлюсь.

Доктор Шоу уехал через час, пообещав заехать на днях. Мы с Дэвидом остались вдвоем в библиотеке. Огонь в ками-

не почти догорел, угли мягко светились багровым.

Он подошел ко мне, положил руки на плечи.

— Ты правда веришь, что это возможно? — спросил он тихо.

Я повернулась к нему, заглянула в глаза.

— Я верю, что это необходимо, — ответила я. — А значит, возможно.

Он кивнул. Помолчал.

— Я с тобой, — сказал он просто. — Что бы ты ни решила.

Я смотрела на огонь и думала о том, что только что сделала. Предложила то, о чем мечтала весь этот год. Санаторий. Место, где «безнадежные» станут просто пациентами. Где я перестану быть «помощницей».

Впереди — работа. План, расчеты, убеждение сэра Генри, поиск помещения, борьба с системой. Столько всего, что голова шла кругом.

Но впервые за долгое время я знала: это — мое. Это стоит того.

Дэвид обнял меня, притянул к себе. Я уткнулась носом в его плечо, закрыла глаза.

— Спасибо, — шепнула я.

— За что?

— За то, что ты есть.

Он усмехнулся, поцеловал меня в макушку.

— Всегда пожалуйста.

Мы стояли так долго, глядя на догорающий огонь. За ок-

нами темнел Лондон, затаившийся в ожидании новых налетов. Где-то там, в палате военного госпиталя, лежал лицом к стене мальчик по имени Томми.

Но теперь у меня был план. И люди, готовые помочь.

Остальное — дело времени.

Глава 6. Женский совет

Флигель потихоньку оживал: стены высохли, окна блестели, полы больше не скрипели под ногами так жалобно, как в первый день. Я стояла посреди будущей гостиной в своем старом сером платье, волосы спрятаны под косынку, и с удовольствием оглядывала результаты утренних трудов.

Мэри возилась у окна, натирая стекло до зеркального блеска, то и дело поглядывая на меня с улыбкой. Рядом с ней хлопотала совсем юная девчушка: новая помощница, взятая специально для работ во флигеле. Она старательно терла подоконник, то и дело поправляя съезжающий чепец.

Я взяла в руки тяжелый дубовый стул и поставила его ровно, где теперь ему место. Потом еще один, и еще. Руки делали свое дело: привычное, почти механическое. Расставляла, поправляла, прикидывала, где будет стоять кушетка, а где — небольшой столик для чая.

А в голове уже давно шла другая работа. Счета, цифры, планы.

— Ты обещала, — раздалось от двери.

Я обернулась. Дэвид стоял на пороге, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с притворной строгостью.

— Я обещала не лазить на окна, — парировала я, поправляя скатерть на столе. — Про стулья и полы разговора не было.

Он вздохнул, покачал головой, но в уголках губ пряталась улыбка.

— Ты невозможна.

— Знаю. Иди уже в свою редакцию, а то опоздаешь.

— Только если пообещаешь, что не будешь передвигать шкафы без меня.

— Дэвид.

— Эмбер.

Мы смотрели друг на друга, и я чувствовала, как внутри разливается тепло. Он подошел, быстро чмокнул меня в висок и исчез за дверью, оставив после себя запах утреннего кофе и типографской краски.

Я улыбнулась и вернулась к стульям.

Санаторий. Я прокручивала это слово в голове уже сотни раз, с тех пор как увидела Томми. Место, где таких, как он, будут не доживать, а возвращать к жизни.

В моем мире я знала, как это делается. Реабилитационный центр, где я проработала десять лет, мог бы стать идеальным образцом. Там было все: методики, расписания, оборудование, штатное расписание. Я помнила это наизусть, будто вчера листала папки с документами.

Оставалось только одно: перенести это сюда. В 1916 год. Где нет электрических стимуляторов, нет современных тренажеров, нет даже нормальных инвалидных кресел. Где все приходится делать руками, терпением и смекалкой.

Я мысленно перебирала: помещение, персонал, койки, бе-

лье, питание, лекарства. Сколько нужно сестер? Сколько сиделок? Где брать деньги на первое время? Кто будет давать направления?

Цифры плясали в голове, складывались в столбики, множились. К концу уборки у меня уже был примерный план: сырой, приблизительный, но хоть что-то.

Но перенести это на бумагу мало. Нужно было заручиться еще одной поддержкой, помимо доктора. И это пока не сэр Генри. К нему надо идти с готовым бизнес-планом, так сказать, когда он, изучив проект, просто не сможет сказать «нет», особенно если его попросит Маргарет.

Я выпрямилась, разминая спину, и поймала себя на мысли, что думаю о сэре Генри. О том, как он — с его каменным лицом и вечными подсчетами — удивительно мягок с женой. Маргарет умела с ним управляться. Скажет слово, и он уже тает, хотя вида не подает. Странно, но факт: этого чопорного англичанина, у которого в голове вместо мозгов кассовый аппарат, держала в руках именно она.

Я очень надеялась, что головные боли леди прошли настолько, что сэру Генри больше не нужно было искать утешения на стороне. Что он перестал посещать...

Я зажмурилась, прогоняя картинку. «Серебряные колокольчики». Та самая ночь, когда я очнулась в чужом теле, с синяками на шее. И он, стоящий в дверях, хладнокровный, оценивающий, выкупающий меня как проблему, которую надо утилизировать.

Щеки вспыхнули. Я отвернулась к окну, делая вид, что проверяю, чисто ли вымыто стекло.

Дэвид. Знает ли он? Нет, конечно, не знает. Сэр Генри обещал, что тайна останется между нами. Я не скажу, что он посещал подобное заведение, а он скроет, откуда привез компаньонку для жены. Честный обмен молчанием.

И даже тот факт, что я была... чиста. Невинна. До сих пор, если подумать. Но в этом мире для будущей леди это не оправдание. Прошлое есть прошлое. Пятно не смыть никакой невинностью.

Я очень надеялась, что Дэвид ничего не знает. Что видит во мне только то, что есть здесь и сейчас. Ту, кем я стала. Ту, кого он полюбил.

Ох, как все запутано...

— Мисс Эмбер? — Мэри смотрела на меня с беспокойством. — Вам плохо?

— Нет-нет, — я тряхнула головой, отгоняя лишнее. — Задумалась просто. Давайте заканчивать здесь, девочки. Вы отлично поработали.

Я окинула комнаты последним взглядом. Чисто. Светло. Почти готово. Остались мелочи: занавески повесить, кое-где подкрасить, но это уже не к спеху.

В дом я поднялась уже ближе к полудню. Быстро ополоснулась, переоделась в чистое светло-серое платье, поправила волосы и направилась к Маргарет.

Она сидела в кресле у окна в своей гостиной, склонив-

шись над пяльцами. Солнце освещало ее серебристые волосы, делая их почти прозрачными. Она вышивала спокойно, размеренно, без той нервной спешки, что бывает у людей, которым надо заглушить боль.

Головные боли ушли, и вместе с ними ушло напряжение. Она снова вернулась к старым привычкам, но теперь без боли, без судорог, без того, чтобы через каждые пять минут хвататься за виски.

Я постучала в открытую дверь, привлекая внимание.

— Не помешаю?

Она подняла голову и улыбнулась: тепло, по-настоящему.

— Эмбер! Дорогая, заходи. Ты никогда не мешаешь.

Я села в кресло напротив. Маргарет отложила вышивание и смотрела на меня с тем особенным выражением, которое появлялось у нее, когда мы оставались вдвоем.

— Я так соскучилась по нашим разговорам, — сказала она. — Ты даже не представляешь, как мне тебя не хватало, пока ты была в Эдинбурге. Письма — это хорошо, но живого слова ничто не заменит.

— Мне тоже, — честно ответила я. — Выслушаете меня?

Она кивнула, подалась вперед.

— Я вся внимание.

Я начала говорить. Сначала осторожно, подбирая слова, потом все смелее, потому что Маргарет слушала не перебивая, не отвлекаясь, впитывая каждое слово.

Я рассказала про Томми. Про то, сколько таких Томми

лежат сейчас в госпиталях и умирают не от ран, а от того, что некому за ними ухаживать. Про то, что я видела в Эдинбурге, про то, что умею и знаю. Про санаторий.

— Я не хочу быть просто медсестрой, которая подходит и поправляет повязку, — сказала я. — Я хочу создать место, где таких, как Томми, будут ставить на ноги. Где будет система. Где каждый будет получать не просто койку, а шанс.

Маргарет слушала, и я видела, как в ее глазах загорается интерес.

— Но одной мне не справиться, — призналась я. — Мне нужна ваша помощь. Ваша поддержка. Вы — леди Келси, вы вхожи в каждый дом, вы знаете всех, кто что-то значит в этом городе. Ваш благотворительный комитет... если вы скажете слово, двери откроются.

Я перевела дыхание.

— И потом, — добавила я осторожно, — это ведь и репутация дома Келси. Семья, которая заботится о раненых солдатах, о тех, кто защищал страну... Это дорогого стоит. Сэр Генри это оценит, я уверена.

Маргарет улыбнулась.

— Ты хитра, Эмбер. Знаешь, на какие кнопки нажимать.

Она помолчала, обдумывая.

— Помещение... — сказала она наконец. — Я подумаю. У меня есть знакомые в предместьях. И не только. Возможно, даже знаю, к кому обратиться.

Я ждала, боясь дышать.

— Хорошо, — кивнула она. — Я помогу. Но ты должна понимать: одной моей поддержки мало. Нам нужен сэр Генри. Его деньги, его связи, его имя. А он так просто не согласится.

— Я знаю, — ответила я. — Потому я и пришла к вам первой. Чтобы вместе мы могли прийти к нему с готовым планом. С цифрами, расчетами, обоснованиями. Чтобы он просто не смог сказать «нет».

Маргарет рассмеялась: тихо, почти беззвучно, но искренне.

— Ты невозможна. Идем, покажешь мне свои расчеты. Если уж браться за дело, то как следует.

Мы просидели до обеда. Бумаги были исписаны, чай остыл, а за окном солнце уже клонилось к закату. Я смотрела на Маргарет — увлеченную, горящую, снова живую — и думала о том, как все странно устроено.

Год назад я боялась ее, как боялась всего в этом доме. А теперь мы сидим рядом и строим планы. Вместе.

— Спасибо, — сказала я просто.

Она пожала мою руку.

— Это тебе спасибо, дорогая. За то, что вернула мне жизнь. А теперь давай вернем жизнь другим.

Я кивнула, и на душе стало тепло. Впервые за долгое время по-настоящему тепло.

Глава 7. Свадебные хлопоты

Утро выдалось на удивление спокойным. Завтрак закончился, сэр Генри уехал на завод, Дэвид умчался в редакцию, и мы с Маргарет остались вдвоем в ее гостиной, разбирая почту. Ритуал, ставший за последние недели привычным: я подаю конверты, она вскрывает, просматривает, откладывает в стопки: ответить, отклонить, передать поверенному.

— Дорогая, — Маргарет отложила очередное письмо и посмотрела на меня с загадочным видом. — Сегодня после полудня мы снова едем к миссис Блэквуд.

— К миссис Блэквуд? — я улыбнулась, вспоминая уютный салон портнихи, запах тканей и ловкие руки, снимающие мерки. — Зачем? Новое платье? У меня их и так уже три.

— Для свадьбы, дорогая, — она сделала паузу, явно наслаждаясь эффектом. — Твое свадебное платье. Невеста не может выходить замуж в том, что уже есть в шкафу, даже если эти платья шила лучшая портниха Лондона.

Я смотрела на нее, и внутри разливалось тепло. Маргарет говорила об этом так, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Как о праве, которое я заслужила.

А ведь я столько думала о санатории, о Томми, о планах и цифрах, что свадьба... она как-то отошла на второй план. Стала чем-то далеким, почти нереальным. А теперь вдруг —

платье. Настоящее. Мое.

— Времена сейчас трудные, — продолжала Маргарет, — пышности не будет. Но достойное платье ты получишь. Кремовый шелк, очень нежный, почти слоновая кость. Без огромного шлейфа, конечно, но элегантное. То, что можно будет носить и после.

Я кивнула. В этом я доверяла ей полностью.

Дорога к миссис Блэквуд заняла около часа. Карета мягко покачивалась на ухабах, за окнами проплывал Лондон: все такой же затемненный, настороженный, затаившийся. Но солнце светило, и это давало надежду.

— Надо обсудить гостей, — сказала Маргарет, поправляя перчатки. — Само собой, сэр Генри и я. Доктор Шоу непременно. Он столько для тебя сделал. И сослуживцы Дэвида. Те, кто сейчас в Лондоне, на ногах.

— Кстати о Дэвиде, — я вспомнила вчерашний разговор. — Мы вчера обсуждали с ним список. Он упомянул одного человека. Лоуренса Коула. Вы знаете его?

Маргарет задумалась:

— Коул... Кажется, Дэвид говорил о нем. Тоже комиссован?

— Да. Дэвид познакомился с ним, когда я училась в Эдинбурге. Писал мне о нем: тяжелый случай, последствия войны, — я помолчала. — Дэвид сказал, что Лори... Лоуренс... будет интересен мне не столько как гость, сколько как возможный пациент. Я согласилась. Пригласим его.

Маргарет кивнула одобрительно:

— Это правильно. Дэвид редко ошибается в людях.

— И еще один, — продолжила я. — Коллега по редакции, тоже журналист. Просто знакомый, для компании.

— Хорошо, — Маргарет мысленно подсчитывала. — Значит, около десяти человек. В самый раз для скромного ужина.

Она помолчала и добавила:

— А еще я подумала о Филлис Брэдли.

Я заинтересованно подняла глаза. Филлис Брэдли — не последняя личность в городе. Ее муж, Артур Брэдли, при должности в министерстве, их дом — один из центров светской жизни Лондона.

И, что важнее, миссис Брэдли была свидетельницей того, как я впервые проявила себя. Еще до рождественского ужина, до спасения полковника Честертона. В ее собственной гостиной, когда собирался благотворительный комитет. Тогда пришла страшная весть — миссис Хартли получила телеграмму о пропавшем сыне. И у нее случился приступ паники, самый настоящий, с остановкой дыхания. А я просто подошла и помогла ей дышать. Ничего особенного, просто несколько слов и спокойный голос. Но для тех, кто это видел, я стала кем-то вроде местной достопримечательности.

Миссис Брэдли запомнила. А потом был рождественский ужин, и полковник Честертон, и снова я. И она смотрела на меня уже совсем другими глазами.

— Я подумала, — продолжала Маргарет, — что если кто и способен поддержать твою идею санатория, так это она. У нее связи, влияние и, что немаловажно, деньги ее комитета. Если Филлис заинтересуется, двери откроются сами собой.

— Вы думаете, она согласится прийти? — спросила я.

— Я знаю. Она о тебе спрашивала. Не раз, — Маргарет улыбнулась. — Твоя репутация, дорогая, растет быстрее, чем ты думаешь. Я приглашу ее с мужем. Думаю, они будут рады.

Я смотрела на нее и чувствовала такую благодарность, что словами не передать. Маргарет не просто помогала: она продумывала стратегию. Она верила в меня. И это было дороже любых денег.

Салон миссис Блэквуд встретил нас привычным запахом тканей, ниток и легких духов. Сама портниха — женщина лет пятидесяти, с идеальной осанкой и сантиметром на шее — всплеснула руками при виде нас.

— Леди Маргарет, мисс Локвуд, как я рада! — она подошла, целуя воздух у щеки Маргарет, потом повернулась ко мне. — Мисс Локвуд, вы прекрасно выглядите. Те платья, что мы шили, вам к лицу.

Я поблагодарила. Было приятно, что она помнит.

— Ну-с, приступим, — миссис Блэквуд достала образцы тканей и разложила их перед нами. Кремовый шелк переливался на свету: мягкий, почти живой, струящийся.

— Для свадебного платья, — сказала она. — Леди Маргарет упоминала, что-то не слишком пышное, но изящное.

Я предлагаю простой покрой, но хорошая ткань сделает свое дело. Завышенная талия, чуть расклешенная юбка, длинные рукава. Без кружев, но можно вышить мелким жемчугом ворот и манжеты. Скромно, но благородно.

Маргарет посмотрела на меня:

— Тебе нравится, дорогая?

Я провела пальцами по ткани. Шелк струился, переливался. В голове пронеслось: год назад я тряслась на чердаке в рваном платье, с синяками на шее, не зная, увижу ли завтрашний день. А теперь стою здесь и выбираю свадебный наряд.

— Очень, — ответила я тихо. — Спасибо.

Миссис Блэквуд защелкала сантиметром, снимая мерки. Щекотно, когда она касалась талии, я невольно дернулась и рассмеялась.

— Простите, — сказала она, улыбаясь. — Потерпите, мисс Локвуд. Красота требует жертв.

— Я готова, — ответила я.

Договорились о следующей примерке через два дня. Миссис Блэквуд обещала, что платье будет готово к сроку. Маргарет сияла.

По дороге домой она была довольна, как кошка, объевшаяся сметаны.

— Ну вот, дело движется, — говорила она, загибая пальцы. — Остались мелочи: цветы, меню обсудить с миссис Хьюз, распорядиться насчет стола... Но это я возьму на се-

бя. Твое дело — быть красивой невестой и думать о своем санатории.

Я сжала ее руку:

— Я даже не знаю, как вас благодарить. Вы столько для меня делаете.

Маргарет посмотрела на меня тепло:

— Мы теперь не просто друзья, Эмбер. Мы — семья. И даже сообщники, — она улыбнулась. — И я бесконечно рада, что ты есть.

Я отвернулась к окну, чтобы она не видела моих глаз, в которых блеснули слезы. За стеклами проплывал Лондон: серый, настороженный, но такой родной теперь.

Год назад — страх, холод, одиночество. Сейчас — семья, дело, любовь. И впереди — свадьба.

Карета остановилась у входа. Мы вышли.

В холле нас встретила Мэри. Улыбнулась, принимая шляпки и перчатки.

— Хорошо съездили, миледи?

— Чудесно, Мэри. Платье будет великолепным.

В доме пахло свежестью: видно, слуги наводили порядок. Где-то наверху слышались шаги. Тернбулл, вероятно, спускалась, чтобы встретить хозяйку и доложить о делах.

Мэри что-то говорила о цветах, Маргарет отвечала, а я почему-то подняла голову. Просто так. Просто посмотрела на лестницу.

Тернбулл была на верхней площадке.

Край юбки зацепился за перила? Или просто нога соскользнула на мокрой ступеньке: слуги мыли, не просохло?

Доля секунды.

И она полетела вниз.

Я видела все как в замедленной съемке. Темная фигура, мелькающая в воздухе. Беспомощный взмах рук. Глухой, страшный удар о мраморный пол внизу.

Глава 8. Письма

Тишина.

Абсолютная. Звенящая. Кажется, даже время остановилось, даже воздух перестал двигаться.

Я смотрела на распростертое тело у подножия лестницы и не могла пошевелиться. Секунда. Две. В голове билось только одно: «Только не смерть. Только не здесь. Только не сейчас».

Рядом всхлипнула Маргарет. Я почувствовала, как она вздрогнула, прижала руку к груди. Мэри застыла с перчатками в руках: лицо белое как мел, глаза круглые от ужаса.

А потом ноги сами понесли меня вперед. Быстрее, чем я успела подумать. Быстрее, чем испугаться.

Я упала на колени рядом с Тернбулл. Пальцы сами нащупали шею, сонную артерию, как учили в той, другой жизни. Тишина. Гул крови в ушах. И вдруг — толчок. Слабый, но ровный. Пульс есть!

Жива.

Быстрый осмотр головы: пальцем приподняла веко, зрачок реагирует на свет. Крови нет, значит, рассечения нет. Ударилась, конечно, но хоть не разбила. Руки — левая прижата к телу, правая неестественно вывернута.

Тернбулл застонала, дернулась, открыла глаза. Мутный взгляд сфокусировался на мне, и я увидела в нем что-то

странное. Не боль. Не страх. Ненависть? Или просто шок? Или стыд?

— Лежите спокойно, — сказала я тихо, но твердо. — Не двигайтесь. С вами все будет хорошо.

— Мэри! — голос Маргарет прозвучал откуда-то сверху, резкий, командный. — Немедленно пошли кого-нибудь за доктором Шоу! Бегом!

Мэри сорвалась с места, стуча каблуками по паркету.

Я осторожно прощупала левую ногу Тернбулл. Она вздрогнула, но не закричала. Правая... правую трогать было страшно. Один вид говорил сам за себя.

— Встать сможете? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Она попыталась опереться на локоть и закричала глухо, сдавленно, сквозь зубы. И рухнула обратно.

Перелом. Или сильный вывих. Открытого нет, крови нет — уже хорошо. Главное, жива.

Из кухни выбежали миссис Хьюз и еще две девушки. Застыли в дверях, глядя на нас круглыми глазами, не зная, что делать.

— Нужно перенести ее, — сказала я, поднимаясь с колен. Голос прозвучал четко, будто я всю жизнь только и делала, что раздавала распоряжения в чужом доме. — Наверх она сейчас не поднимется. В библиотеку, на диван. Там тепло и мягко.

Миссис Хьюз смотрела на меня, раскрыв рот.

— Миссис Хьюз, — повторила я жестче. — Принесите

подушки и плед. Вы двое — помогите мне. Осторожно, поддерживайте с двух сторон.

Они подхватили Тернбулл под руки. Та, опираясь на их плечи, приподнялась, поджав поврежденную ногу, чтобы случайно не наступить. Я рванула вперед, распахнула дверь в библиотеку, уже готовая помочь уложить ее на диван.

Каждый шаг давался с трудом: Тернбулл шипела сквозь зубы, но молчала. Только сжимала губы и смотрела куда-то в сторону, лишь бы не на меня.

Маргарет шла следом. Не лезла, не командовала, но подгоняла слуг, когда я отдавала распоряжения.

— Быстрее, осторожнее, не уроните...

Я чувствовала ее доверие. И это придавало сил.

В библиотеке мы уложили Тернбулл на широкий диван. Я подложила подушку под поврежденную ногу, чтобы уменьшить отек, укрыла пледом. Проверила пульс еще раз: ровный. Цвет лица вроде нормальный, не бледнее, чем обычно.

— Холод нужен, — сказала я. — Лед или холодную воду.

Миссис Хьюз кивнула и выбежала. Вернулась через минуту с полотенцем, в которое был завернут колотый лед. Я приложила компресс к распухшей лодыжке.

Тернбулл дернулась, но смолчала.

— Где болит? — спросила я, осторожно прощупывая ногу выше и ниже.

Она не ответила. Только поджала губы и отвернулась к стене. Я не настаивала. Шок, боль, унижение. С этим не спо-

рят.

Мы сидели в тишине, нарушаемой только потрескиванием камина и тяжелым дыханием Тернбулл. Служанки застыли у дверей, не зная, можно ли уйти. Маргарет опустилась в кресло и молча смотрела на нас.

Вошла Мэри, запыхавшаяся, красная.

— Доктор Шоу сейчас будет, миледи. Посыльный застал его в соседнем доме.

Я кивнула. Хорошо. Значит, скоро.

Доктор Шоу влетел в библиотеку минут через пятнадцать: взъерошенный, без пальто, явно бежал.

— Что случилось? Где пострадавшая?

Я коротко объяснила: падение с лестницы, повреждена правая нога, пульс в норме, сознание ясное.

Он склонился над Тернбулл, быстро, профессионально ощупывая, поворачивая, спрашивая. Она отвечала односложно, сквозь зубы. Я стояла рядом, помогала придерживать ногу, пока доктор осторожно ощупывал сустав.

Доктор поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то: вопрос, приглашение к разговору.

— Мисс Локвуд, что скажете? Перелом или вывих?

Я осторожно прощупала лодыжку. Кости вроде целы, сустав распух, но не деформирован.

— Похоже на вывих голеностопа. Кости целы, но завтра надо в госпиталь, сделать снимок. Рентген, чтобы точно исключить трещину.

Доктор Шоу кивнул, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Согласен. Пока — холод, покой, зафиксировать. Завтра отправим в госпиталь.

Тернбулл лежала, поджимая губы, и смотрела куда-то в потолок. Но я видела, как она злится. Слышала, как скрипят ее зубы. Еще бы: эта девчонка, которую она ненавидит всей душой, сейчас обсуждает с доктором ее диагноз как равная.

Доктор Шоу уехал через полчаса, оставив рекомендации. Обещал заехать узнать, как она.

Пришло время перемещать Тернбулл в ее комнату. Та же процедура: служанки поддерживают с двух сторон, я страхую. Она молчала, только шипела от боли, когда нога касалась пола. На меня по-прежнему старалась не смотреть.

Наконец дверь ее комнаты закрылась. Я осталась одна в коридоре, прислонилась спиной к стене и выдохнула.

Потом поднялась к себе.

Вода в кувшине была холодной. Я плеснула в таз, смывая с рук чужую боль, чужой страх, чужую ненависть. Вытерлась, села на кровать и посмотрела на свои руки.

Те самые руки, которые только что щупали пульс моему врагу. Которые помогали, поддерживали, фиксировали.

И вдруг подумала: а кто будет делать это в санатории?

Кому-то понадобятся руки. Много рук. Кто-то, кто сможет переворачивать, поднимать, массировать, просто быть рядом. Сестры. Помощницы. Те, кто не побоится тяжелой работы и чужой боли.

Память выдернула картинку из Эдинбурга. Девушки, с которыми я училась. Бессонные ночи, зубрежка, практика. Кто-то стал подругой, кто-то просто приятельницей. Но были те, кому я доверяла. Кто видел мое упорство, мои методы, мою веру в «безнадежных».

Мейбл — тихая, спокойная, с золотыми руками. Она делала массаж лучше всех на курсе. Элиза — та могла успокоить самого буйного пациента одним голосом. Юная Флоренс, которая боялась крови, но так хотела помогать, что пересиливала себя каждый день.

Я встала, подошла к столу, достала бумагу и перо.

Письма. Надо писать письма.

Я писала честно. Не обещала золотых гор, не рисовала райских кущ. Писала, что санаторий пока только в планах, что поддержка есть, но работы будет много. Что нужны руки, сердца, вера. Что я знаю: они смогут. Потому что видела их во время учебы.

«Приезжайте, — писала я. — Посмотрите сами. Если не понравится, уедете. Но если останетесь, мы вместе сделаем то, о чем мечтали: будем возвращать людям жизнь».

Я запечатала письма, отложила их на край стола. Завтра отправлю. А сейчас...

Я подошла к окну. Лондон тонул в сумерках. Где-то там, в доме, на третьем этаже лежала миссис Тернбулл, ненавидящая меня всей душой. Где-то там, в госпитале, ждал своего часа тот самый мальчишка. Где-то там, в неведомом мне бу-

дущем, бродили те, кто станет моими пациентами и моими помощниками.

Глава 9. Условия сделки

Я открыла глаза и первым делом вспомнила не вчерашний удар, не распростертое тело у лестницы, не ненавидящий взгляд Тернбулл. Я вспомнила его. Того мальчишку в госпитале, который лежал лицом к стене и даже не повернулся, когда я коснулась его плеча.

За окном светало. Я села на кровати, обхватила колени руками и несколько минут просто сидела, глядя в одну точку. Томми. Томас Браун. Девятнадцать лет. Позвоночник. Пролежни. И стена, в которую он смотрит целыми днями, потому что смотреть больше не на что и незачем.

В голове уже крутились мысли, как ему помочь, что сделать, к кому обратиться.

Я встала, умылась холодной водой, оделась и спустилась вниз.

В доме было тихо. Сэр Генри уже уехал на завод, Дэвид умчался в редакцию. Маргарет уже сидела в столовой. Перед ней стояла чашка чая и тарелка с тостом, но есть она не спешила. Ждала меня.

— Доброе утро, дорогая. Выспалась?

— Доброе утро, — я села напротив. — Выспалась. Но мысли... они не дают покоя.

Маргарет понимающе кивнула.

— О том мальчике? Из госпиталя?

— Да. Я не могу выкинуть его из головы. Он же совсем молодой. И он умирает. Не от ран, а от того, что никому нет дела.

Маргарет слушала, не перебивая. Потом отпила глоток чая и посмотрела на меня поверх чашки.

— Я думала об этом, — сказала она. — Есть один выход.

Я подняла глаза.

— Ты знаешь, что Филлис Брэдли курирует небольшой частный лазарет? Для офицеров, но иногда берут и особо тяжелых. Там лучше уход, больше внимания. И сестры прислушиваются к рекомендациям.

— Вы думаете, Томми могли бы взять туда?

— Я думаю, что если мы с тобой съездим к Филлис и все объясним... — Маргарет сделала паузу. — Она умная женщина. Она помнит, что ты для нее сделала. И для миссис Хартли. И для полковника Честертона. Думаю, она согласится.

— А если нет?

Маргарет улыбнулась — той самой хитрой улыбкой, которая появлялась у нее, когда она что-то задумала.

— Тогда мы будем очень убедительными. Ты же умеешь, когда надо.

Мы выехали через час. Сначала в госпиталь, навестить Томми и заодно узнать результаты рентгена Тернбулл.

В холле нас встретила сестра Мэтьюз. Кивнула коротко, по-деловому.

— Мисс Локвуд, леди Келси. За результатами?

— И заодно проведать одного пациента, — ответила я. — Томаса Брауна.

— А, тот мальчик из Дувра, — она помолчала, затем продолжила: — Рентген вашей экономки готов. Вывих голеностопа, переломов нет. Сильный отек и растяжение связок, но кости целы.

Я выдохнула. Не из любви к Тернбулл, конечно. Просто жива. И без инвалидности.

— Спасибо, сестра.

Мы прошли в палату.

Томми лежал все так же, лицом к стене. Но я заметила: повязки на нем сменили. Простыни были чистыми, и пахло от него уже не так безнадежно. Но это лишь дело времени, пока не подвезут новых тяжело раненных. И тогда Томми опять останется без внимания. Нехватка рук.

Я подошла, села на край койки.

— Привет, — сказала тихо. — Я вернулась.

Он не ответил. Даже не шелохнулся.

— Я придумала, как тебе помочь, — продолжала я. — Тебя переведут в другое место. Там лучше ухаживают, там тебя не оставят. Ты только держись, слышишь?

Мне показалось, или плечо его дрогнуло? Совсем чуть-чуть, едва заметно. А может, просто показалось.

Я посидела еще минуту, потом встала.

— Я вернусь. Обязательно вернусь.

К леди Брэдли мы приехали ближе к полудню. Ее дом был не таким помпезным, как у некоторых, но чувствовался в нем вкус и деньги. Нас провели в небольшую гостиную, где Филлис Брэдли уже ждала с чайным подносом.

— Маргарет, дорогая! — она поднялась навстречу, целуя воздух у щеки леди Маргарет. Потом повернулась ко мне. — Мисс Локвуд. Рада видеть вас снова.

— Миссис Брэдли, — я присела в легком реверансе.

— Филлис, прошу. Тем более, вы без пяти минут леди Келси, а уж после всего, что было… — она улыбнулась, но в глазах мелькнуло что-то острое, изучающее. — Я столько о вас слышала. И столько видела сама, что до сих пор не могу забыть.

Я не знала, что ответить, поэтому просто улыбнулась.

— Филлис, — Маргарет взяла инициативу в свои руки, — мы к тебе с просьбой. И с делом, которое может тебя заинтересовать.

— Я слушаю.

И я рассказала. О Томми, о его позвоночнике, о пролежнях, о стене, в которую он смотрит. О том, что в госпитале на него махнули рукой, а он мог бы жить. О том, что я умею и знаю, и о том, что хочу создать место, где таких, как он, будут возвращать к жизни.

Филлис слушала, не перебивая. Когда я закончила, она помолчала, потом сказала:

— Я помню тот день в моей гостиной. Миссис Хартли, ее

паника, и вы... вы просто подошли и сделали. Без суеты, без пафоса, без этой дурацкой светской жалости, — она посмотрела мне прямо в глаза. — И рождественский ужин я тоже помню. Полковник Честертон до сих пор всем рассказывает, как какая-то девушка вытрясла из него кусок гуся. Извините за подробности.

Я улыбнулась.

— Так вот, — продолжила Филлис. — Я не знаю, откуда у вас такие знания. Но я вижу результат. И я верю вам.

Она встала, подошла к небольшому столику, взяла лист бумаги и быстро что-то написала.

— Вот адрес лазарета, который я курирую. И записка для старшей сестры, — она протянула мне листок. — Его переведут сегодня-завтра. Вы сможете навещать его когда угодно. В любое время. Я скажу, чтобы вас пускали без вопросов.

Я смотрела на листок в своих руках и чувствовала, как к горлу подкатывает ком.

— Благодарю вас, — сказала я тихо. — Я этого не забуду.

Филлис улыбнулась тепло, почти по-матерински.

— Я знаю. И надеюсь, что когда-нибудь вы расскажете мне, откуда у вас такие знания. А пока... пока просто делайте свое дело. Оно того стоит.

Домой мы вернулись уже под вечер. Я чувствовала усталость, но внутри было тепло. Томми переведут, он не пропадет, у него появится шанс.

Маргарет ушла к себе отдыхать. А я, не снимая пальто,

поднялась на третий этаж. К Тернбулл.

Я постучала. Выждала секунду и вошла.

Она лежала на кровати, злая, уставшая, с перевязанной ногой и рукой. Увидела меня, и лицо ее стало каменным.

— Миссис Тернбулл, — сказала я спокойно, по-деловому. — Я знаю, вы меня недолюбливаете. Это не секрет.

Она промолчала, но в глазах сверкнуло.

— Но я могу помочь вам встать на ноги быстрее. Знаю, как снять отек, как разработать руку, чтобы не осталось контрактур. Если позволите, я покажу Мэри, что делать, и вы через неделю будете ходить.

Она смотрела на меня так, будто я предложила ей не помощь, а личное оскорбление.

— Не нужна мне ваша помощь! — голос ее сорвался на крик. — Думаете, если вы теперь леди, то можете ко мне милостиво снизойти? Я тридцать лет в этом доме, и без вас обходилась, и дальше обойдусь! Убирайтесь!

Я не ушла. Просто стояла и слушала.

— Вы... вы даже не понимаете, — продолжала она, уже тише, но с той же ненавистью. — Я всю жизнь здесь, я это место построила, я знаю каждый угол, каждую половицу... А вы пришли, перевернули все вверх дном, и теперь думаете, что можете мной командовать?

— Я не командую, — сказала я тихо. — Я предлагаю.

— Не нужны мне ваши предложения!

— Что здесь происходит?

Голос Маргарет прозвучал от двери ледяным спокойствием. Я обернулась. Она стояла на пороге, прямая, как струна, и смотрела на Тернбулл.

— Миссис Тернбулл, я все слышала.

Тернбулл замерла. Краска отлила от ее лица, потом вернулась пятнами.

Маргарет вошла, остановилась рядом со мной.

— Вы тридцать лет служите в этом доме, — начала она. — Я ценю вашу преданность и вашу работу. Но сейчас вы не просто экономка. Вы пациентка. И от того, как быстро вы встанете на ноги, зависит, сможете ли вы дальше выполнять свои обязанности.

Тернбулл молчала, сжав губы.

— Леди Эмбер предлагает вам помощь. Не дружбу, заметьте, а профессиональную помощь, которую она оказывала другим людям. Я настаиваю, чтобы вы эту помощь приняли.

— Миледи, я.. — голос Тернбулл дрогнул.

— Если вы отказываетесь от помощи леди Эмбер, — Маргарет говорила жестко, — то я буду вынуждена задуматься, справитесь ли вы вообще с обязанностями экономки в ближайшие месяцы. Мне нужна здоровая экономка, а не та, что героически страдает в своей комнате.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

— Потерять такое место в военное время, миссис Тернбулл, очень легко. И найти замену тоже.

Тишина повисла в комнате густая, тяжелая. Тернбулл смотрела на Маргарет, потом на меня. В ее глазах шла война: гордость против инстинкта самосохранения. Гордость проигрывала.

— Как будет угодно миледи, — выдавила она сквозь зубы.

Маргарет кивнула, и лицо ее чуть смягчилось.

— Вот и хорошо. Леди Эмбер, я оставляю вас. Надеюсь, вы договоритесь.

Она вышла, прикрыв дверь.

Мы остались вдвоем. Тернбулл смотрела в стену, поджав губы. Я стояла у кровати, не зная, что сказать.

— Я не буду делать ничего против вашей воли, — сказала я наконец. — Но если позволите, я покажу Мэри простые вещи: как делать компрессы, как менять повязку, как разрабатывать руку. Вы и не заметите моего участия.

Она молчала. Но уже не отворачивалась с ненавистью. Просто молчала.

— Я зайду позже, — сказала я. — Если захотите, поговорим. Если нет, просто проведаю.

Я вышла, тихо прикрыв дверь.

В своей комнате я села за стол, достала блокнот с планами санатория. Томми будет в лазарете Брэдли — это первый шаг. Тернбулл, хоть и скрепя зубы, но под присмотром — это второй. Письма подругам ушли — значит, скоро появятся помощницы.

Я смотрела в окно на темнеющий Лондон и думала: все

идет своим чередом. Медленно, трудно, но идет. Томми получит шанс. Тернбулл — помощь, даже если она ее не хочет. А я.. я делаю то, что должна.

Завтра будет новый день. И новые задачи.

Глава 10. Первый шаг

Я нашла Мэри в кладовой. Она перебирала чистое белье, аккуратно складывая простыни в стопку. Увидела меня, присела в книксене, но я только рукой махнула.

— Мэри, ты уже заходила к миссис Тернбулл сегодня?

— Да, леди Эмбер. Отнесла завтрак, поправила постель, — она замялась. — Она... не в духе.

Я усмехнулась.

— Она никогда не в духе. Но сейчас ей хуже всех. Пойдем со мной, я покажу, что можно сделать, чтобы она быстрее поправилась.

Мэри побледнела. Видно было, как ей страшно: Тернбулл она боялась едва ли не больше, чем я когда-то. Но кивнула и отложила белье.

Мы поднялись на третий этаж. Я постучала и вошла.

Тернбулл лежала на кровати, закутанная в плед, с перевязанной ногой и рукой. При виде меня ее лицо стало каменным. Вчерашней открытой ненависти уже не было, но и тепла, конечно, не прибавилось. Глухая стена. Ну и ладно.

— Доброе утро, миссис Тернбулл, — сказала я спокойно, по-деловому. — Я обещала зайти. И Мэри привела, чтобы показать, что делать дальше. Сама я буду заходить, но не всегда: дел много. А Мэри будет рядом.

Тернбулл перевела взгляд на Мэри. Та сжалась, но стара-

лась держаться. Я мысленно пожелала ей сил. Тернбулл молчала. Но и не выгоняла. Уже прогресс.

Я подошла к кровати, откинула плед и осмотрела ногу. Отек спадал, но медленно, слишком медленно.

— Компрессы надо менять чаще, — сказала я. — Мэри, смотри.

Я показала: как снимать старый компресс, не дергая, как проверять кожу, нет ли покраснения или раздражения. Как замачивать свежее полотенце в холодной воде. Лед уже не нужен, острое позади. Как прикладывать, чтобы не давить, но плотно, и как фиксировать, чтобы не сползало.

Тернбулл молчала, но я краем глаза видела, как она следит за моими руками. Профессионально, оценивающе. Признать мое умение она не могла, гордость не позволяла, но пропустить мимо глаз тоже не могла.

Мэри повторяла за мной, старательно, но руки у нее дрожали.

— Не бойся, — сказала я тихо. — Ткань мягкая, кожу не натрешь. Главное, ровно положить.

Компресс поставили. Я оглядела кровать. Тернбулл лежала неловко, скособочившись, явно затекла.

— Лежать вам еще пару дней, — сказала я. — Но можно сделать это время чуть менее мучительным.

Показала Мэри, как подложить подушку под поясницу: Тернбулл все время лежала на спине, скоро она заноет. Как поправить подушки под головой, чтобы шея не затекала. Как

укрыть, чтобы было тепло, но не жарко.

Потом повернулась к Тернбулл:

— Чай будете?

Она молчала долго. Я уже думала, что не ответит, но она чуть заметно кивнула.

— Ромашка с мятой, — сказала я Мэри. — Не крепкий. И немного меда, если есть. Это успокаивает и помогает спать.

Мэри убежала. Мы остались вдвоем. Тишина висела в комнате густая.

Я села на край кровати. Тернбулл напряглась, но смолчала.

— Рука у вас тоже пострадала, — сказала я. — Растяжение. Если ее не разрабатывать, так и останется тугой. Я сделаю легкий массаж. Просто чтобы кровь разогнать. Мэри потом покажу.

— Не надо, — выдавила она сквозь зубы.

— Надо, — ответила я спокойно. — Иначе через месяц вы не сможете держать вилку. Хотите, чтобы вас кормили с ложечки?

Она молчала. Я взяла ее руку.

Сначала легкие поглаживания от пальцев к плечу, чтобы разогнать лимфу. Потом осторожно размяла мышцы предплечья. Разработала суставы пальцев: аккуратно, без боли, но настойчиво.

Тернбулл сначала была напряжена, как струна. Потом, помимо воли, начала расслабляться. Я чувствовала это под сво-

ими пальцами: как отпускает, как уходит зажим. В конце она выдохнула глубоко, шумно, и тут же отвернулась, будто стыдясь этой слабости.

Вернулась Мэри с чаем. Я забрала кружку, протянула Тернбулл.

— Пейте. И постарайтесь поспать. Сон лечит лучше любых компрессов.

Она взяла кружку, не глядя на меня. Я встала, кивнула Мэри, и мы вышли.

В коридоре я остановилась, прикрыла дверь.

— Ты все запомнила? — спросила тихо.

Мэри кивнула, но вид у нее был жалкий.

— Кажется, да. Компрессы, подушки, чай... — она запнулась. — Массаж... мне страшно к ней прикасаться.

Я усмехнулась:

— Она кусается?

— Нет, но... она же миссис Тернбулл. Она всех построила.

— Вот и строй ее обратно. Только лаской.

Я положила руку ей на плечо. Мэри была хорошей девушкой: старательной, доброй, преданной. Она заслуживала, чтобы в нее верили.

— Ты справишься. Если что, зови. Я приду.

Мэри ушла, а я еще постояла минуту, глядя на дверь Тернбулл.

Она не скажет спасибо. Ни сегодня, ни завтра. Но она позволила к себе прикоснуться. Это уже победа.

Я спустилась на второй этаж и постучала в апартаменты Маргарет.

Она сидела в кресле у окна с вышиванием: картина, ставшая за последние недели привычной. Подняла глаза, улыбнулась.

— Ну как она?

— Жива. И, кажется, чуть менее зла, — я улыбнулась в ответ. — Мэри теперь знает, что делать, так что она под присмотром.

— Хорошо, — Маргарет отложила вышивание. — Я получила весточку насчет помещения. Особняк в предместье. Его владелец согласен на встречу. Если хочешь, можем съездить после полудня, посмотреть.

У меня внутри все загорелось.

— Конечно. Обязательно.

— Тогда договорились. Я распоряжусь насчет кареты.

Я кивнула и вышла, чувствуя, как тепло разливается в груди. Дело движется. Томми в лазарете Брэдли, Тернбулл под присмотром, а теперь еще и помещение...

Все идет своим чередом. Медленно, трудно, но идет.

Глава 11. Странный взгляд

Карета мягко покачивалась на ухабах, и я смотрела в окно на проплывающий мимо Лондон. Серый, настороженный, с закрашенными фонарями и черными шторами на окнах, но сейчас, в лучах послеполуденного солнца, он казался почти мирным. Почти обычным.

— Я узнала об этом особняке через знакомых Филлис, — говорила Маргарет, поправляя перчатки. — Пустует уже год. Владелец уехал в Шотландию, хочет сдать в аренду. Говорят, место тихое, сад большой, комнат много.

Особняк стоял в глубине сада: старый, но крепкий, с благородной патиной на камне. Два этажа, мансарда под крышей, большой холл с высокими окнами. Я сразу представила, как сюда проникает свет, как падает на пол, на стены...

Нас встретил управляющий: пожилой мужчина с сухим лицом и деловитыми манерами. Молча кивнул, взял ключи и повел показывать.

Мы ходили по комнатам. Пустым, холодным, пахнущим пылью и забвением. А я видела их не такими.

Здесь будет общая столовая. Тут — процедурные. На втором этаже — палаты для пациентов. В мансарде можно поселить персонал, Если подруги из Эдинбурга согласятся приехать — письма я отправила, ответ придет, скорее всего, уже после свадьбы, но время еще есть. Не завтра же открываться,

— здесь будет им место.

Я поймала себя на том, что мысленно уже переселяю их сюда, распределяю комнаты, прикидываю, кто с кем сможет работать. Глупо, конечно. Они еще даже не ответили. Но помечтать-то можно.

А в саду... в саду пациенты будут гулять. Те, кто сможет. Те, кому мы поможем.

Я шла и считала в уме. Комнаты, койки, окна, выходы. Где поставить кресла, чтобы те, кто не может лежать, сидели у окна и смотрели в сад. Где сделать пандусы, если получится договориться с сэром Генри насчет производства.

— Я оставлю вас на минуту, — управляющий вышел, сославшись на бумаги.

Маргарет повернулась ко мне, понизив голос:

— Ну как тебе?

Я оглянулась в последний раз.

— Идеально. Почти идеально. Надо только подсчитать, сколько будет стоить аренда и что тут надо переделать.

— Сделаем, — кивнула она. И я знала: она сделает.

Обратная дорога прошла в молчании. Я смотрела в окно, на убегающие поля и редкие домики, и думала о своем. Маргарет не мешала. Хорошая у нее черта: она умела молчать, когда нужно.

К дому подъехали, когда уже вечерело. Солнце клонилось к закату, тени стали длиннее.

В холле нас встретила Мэри. Забрала шляпки, улыбну-

лась:

— Сэр Дэвид уже вернулся. И с ним гость.

Я кивнула. Что ж, Дэвид никогда не приводил кого-то на ужин. Интересно, кто бы это мог быть?

Мы прошли в гостиную.

Дэвид стоял у камина расслабленный, довольный, будто и не было сегодняшней беготни по редакции. Рядом с ним я увидела незнакомца. Чуть выше Дэвида, светловолосый, но какой-то... осунувшийся, что ли. Темные круги под глазами. Одет просто, без претензий. В руке трость. Он опирался на нее, но стоял прямо, не горбился.

— Эмбер! — Дэвид улыбнулся, шагнул навстречу. — Вот и ты. Познакомься, это Лоуренс Коул. Лори, как я его называю. Мой друг, я тебе о нем рассказывал.

Я сделала шаг вперед, протянула руку:

— Лоуренс Коул? Дэвид много о вас рассказывал. Рада познакомиться.

Он поднял глаза.

И в этот момент что-то произошло.

Его взгляд... Он смотрел на меня не как на незнакомку. Не как на будущую жену друга. Он смотрел так, будто уже видел меня. Будто узнал. Будто сейчас скажет что-то важное.

Секунда. Две.

Он моргнул, и лицо его стало обычным: вежливым, чуть усталым.

— Мисс Локвуд, — он пожал мою руку. Пальцы у него

были холодными, несмотря на теплый вечер. — Рад знакомству. Дэвид тоже столько о вас говорил, что мне кажется, я вас уже знаю.

Он улыбнулся. Но улыбка не дошла до глаз.

Повисла пауза. Неловкая, тягучая. Маргарет что-то сказала о чае, Мэри убежала накрывать. Дэвид спросил, как прошла поездка. Я отвечала автоматически, а сама краем глаза наблюдала за Лори.

Он смотрел в сторону. На меня больше ни разу.

Но я не могла отделаться от чувства, что этот человек что-то скрывает. Что-то, что имеет отношение ко мне.

Глава 12. Правда о прошлом

(рассказанная сэром Дэвидом)

Я налил нам обоим виски и откинулся в кресло, довольно оглядывая комнату. Камин потрескивал, за окнами было темно, и во всем доме стояла та особенная вечерняя тишина, когда все разошлись по своим углам и можно наконец выдохнуть.

— Рад, что ты пришел, — сказал я, протягивая Лори стакан. — Давно хотел вас познакомить. Ну как тебе Эмбер?

Лори взял стакан, но пить не стал. Просто держал в руках, глядя на огонь.

— Она... интересная.

Я усмехнулся.

— Интересная? Она потрясающая. Ты бы видел, как она с тетей Маргарет... И со мной. Я тебе рассказывал.

— Рассказывал, — ответил он тихо. — Много.

Я посмотрел на него внимательнее. Что-то было не так. Лори сидел напряженный, как струна, и смотрел куда-то в сторону, только не на меня.

— Лори, ты какой-то странный сегодня. Все в порядке?

Он молчал долго. Так долго, что я уже хотел повторить вопрос. Потом повернулся ко мне.

— Дэвид... ты уверен, что знаешь ее?

Я насторожился.

— В смысле?

— Ты рассказывал мне о ней. Компаньонка тети Маргарет, спасла ее от мигреней, училась в Эдинбурге, вылечила тебя. Я все это помню, — он сделал паузу. — Но откуда она взялась? Ты говорил, сэр Генри ее привез. А откуда он ее привез?

Я ответил ровно, никаких лишних эмоций, только факты:

— Она была сиротой, жила с дядей, тот умер в долгах. Генри нашел ее, когда искал компаньонку для тети.

Лори посмотрел на меня в упор. В его глазах было что-то, отчего у меня внутри все похолодело.

— Нашел? — переспросил он. — Или выкупил?

Тишина повисла в комнате тяжелая, густая. Я замер.

Лори встал, подошел к камину. Стоял ко мне спиной, и голос его звучал глухо:

— Я не хотел тебе говорить. Думал, может, показалось. Может, я ошибаюсь. Но когда я увидел ее сегодня... приглядел за ужином. Я не ошибся.

— Лори, — сказал я холодно, хотя внутри уже все кипело. — Говори прямо.

Он повернулся.

— Я видел ее раньше. Больше года назад. В декабре четырнадцатого.

Пауза.

— Я был в «Серебряных колокольчиках». По пьяни, по глупости, неважно. Я там... мельком, в полумраке, видел де-

вушек, которых готовили к первому выходу. Она была среди них.

Он смотрел на меня с какой-то отчаянной горечью.

— Ты понимаешь, что я говорю? Твоя невеста была в борделе. Я не знаю, как она оттуда выбралась, как оказалась здесь, но... Дэвид, я не мог молчать.

Я не двигался. Смотрел в одну точку и не двигался.

Внутри все кипело. Но я знал эту историю. Знал уже больше года.

Тот вечер. После того, как Тернбулл наябедничала, после того, как весь дом гудел от слухов. Я тогда сам пришел к дяде Генри в кабинет. Не для того, чтобы оправдываться. Я пришел сказать, что женюсь на ней. Что это единственный способ защитить Эмбер от сплетен и дать ей право меня лечить.

Генри сначала взбесился. Назвал это безумием, социальным самоубийством. А потом, когда я не отступил, когда стоял на своем, он вдруг замолчал. Посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом и сказал: «Ты хочешь знать, кто она. Хорошо. Я взял ее из борделя. "Серебряные Колокольчики"».

И рассказал мне все. Где и при каких обстоятельствах он нашел Эмбер. Что она была жертвой, проданной за долги. Что провела в «Серебряных колокольчиках» всего три дня. Мадам Лизет подтвердила под запись: девственница, только начальное «обучение». Тот рыжий инженер, едва не задушивший ее, был его человеком. Он сорвался, испугался, думал, что убил. А Генри оказался там случайно, ну или почти

случайно, и его появление стало для нее спасением от участи, которую ей уготовили.

Я тогда выслушал, переварил и сделал выбор. Я остался с ней. И ни разу не пожалел.

Но сказать это Лори сейчас – значило выдать тайну. Тайну, которую я обещал хранить. Тайну, которая была не моей.

Лори смотрел на меня, и в глазах его уже закрадывалось сомнение.

— Дэвид... — тихо сказал он. — Ты молчишь. Ты знал?

Я поднял глаза. Во рту пересохло, но голос прозвучал ровно:

— Знал.

Он отшатнулся, будто я ударил его.

— Что?!

— Я знал, откуда она, — я говорил спокойно, хотя внутри все клокотало. — Генри рассказал мне больше года назад. Дядя сказал тогда: «Ты имеешь право знать, на ком собираешься жениться».

Лори смотрел на меня растерянно, непонимающе.

— И.. и ты все равно женишься на ней?

Я встал. Подошел к нему вплотную.

— Слушай меня внимательно. Она была жертвой. Ее продал туда собственный дядя за долги. Она пробыла там три дня. Три дня, Лори. Ни разу не была с клиентом. А когда один урод попытался взять ее силой, она сопротивлялась так, что он чуть не задушил ее. Сэр Генри выкупил ее, чтобы за-

мять скандал, и привез в этот дом. Она была девственна, когда я встретил ее. И она чиста передо мной.

Лори побледнел. Смотрел на меня и бледнел.

— Я не знал... — прошептал он. — Я думал...

— Ты думал, что она была там как... — я не договорил. — Я понимаю, почему ты так подумал. Но ты ошибся.

Он не просто сел, он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Боже... Дэвид, прости. Я не хотел... я думал, ты должен знать. Я не знал, что она...

Я сел рядом. Положил руку ему на плечо.

— Ты поступил правильно. Если бы я не знал, ты был бы обязан мне сказать. Друг так и должен делать.

Лори поднял на меня глаза, растерянные, виноватые.

— Что мне теперь делать? Как смотреть ей в глаза?

— А ты посмотри прямо, — я сказал это твердо. — И увидишь женщину, которая выжила, выучилась, стала больше чем медсестрой и теперь спасает таких, как мы с тобой. Она не та, кем была. И никогда не была той, кем ты ее представил.

Он молчал, переваривая.

— Останься на свадьбу, — сказал я. — Познакомься с ней поближе. Дай ей шанс. И себе дай шанс.

Посмотрел на меня с отчаянием.

— Ты никому не скажешь, — голос мой прозвучал тихо, но в нем звенела сталь. — Никогда. Ни единому человеку. Будешь молчать. Ради нее. Ради меня. Ради себя.

Он отшатнулся, будто я ударил его.

— Ты предлагаешь мне врать? Ей? Тебе?

— Я предлагаю тебе защитить ее, — я сжал кулаки. — От сплетен, от грязи, от прошлого, которое к ней не имеет никакого отношения. Ты понял меня?

Лори молчал. Смотрел на меня, и в его глазах было смятение, страх и стыд — все вместе, один невыносимый ком.

— Я.. я попробую, — выдавил он наконец.

Я кивнул. Один раз. Коротко.

— Иди, Лори. Увидимся на свадьбе.

Он медленно пошел к двери. Остановился, обернулся.

— Дэвид... ты правда думаешь, что я…

Он не закончил. Я посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

— Не знаю, Лори. Но ты должен.

Дверь закрылась.

Я остался один. Стоял неподвижно, глядя на догорающий огонь в камине. В голове пульсировала одна мысль: «Он обещал молчать. Но выдержит ли Лори? И что будет дальше…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.